

ПРАЗДНИЧНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ

Музыка Л. ПЕЧНИКОВА
Слова Д. ГОЛУБКОВА

Рано-рано заря золотая
Разбудила родную Москву.
Непоседливый ветер, играя,
Растрепал на бульварах листья.
Мы пройдем по столице зеленой,
Звонко песни вокруг прозвучат,
И высоко небо влюбленно
Отразится в глазах у девчат.

Припев:
Над городом белые голубки
летят,
Весеннее утро встает.
Шеренги ровнее!
Дружной, бодрее!
Студенты, комсомольский
народ!

Горделиво алеют знамена,
Синева залила небосвод.
Молодежная наша колонна
По дороге растет и растет,
Нам сияет московское солнце,
Наших песен слова горячи,
Украинцы, армяне, эстонцы —
В это утро мы все москвичи!

Припев.
И дорога не кажется трудной,
Если в ногу с друзьями идешь.
Будет вместе и в праздник и в
будни,
Будет вместе всегда молодежь!
В самых дальних державах и
в самых дальних странах

Есть у нас молодые друзья.
Дело мира крепит неустойно
Ясноглазая наша семья.

Припев.

В. Давыдовский

Мелодия

1. Рано-рано заря золотая
Разбудила родную Москву.
Непоседливый ветер, играя,
Растрепал на бульварах листья.
Мы пройдем по столице зеленой,
Звонко песни вокруг прозвучат,
И высоко небо влюбленно
Отразится в глазах у девчат.

2. Горделиво алеют знамена,
Синева залила небосвод.
Молодежная наша колонна
По дороге растет и растет,
Нам сияет московское солнце,
Наших песен слова горячи,
Украинцы, армяне, эстонцы —
В это утро мы все москвичи!

3. И дорога не кажется трудной,
Если в ногу с друзьями идешь.
Будет вместе и в праздник и в
будни,
Будет вместе всегда молодежь!
В самых дальних державах и
в самых дальних странах
Есть у нас молодые друзья.
Дело мира крепит неустойно
Ясноглазая наша семья.

4. Рано-рано заря золотая
Разбудила родную Москву.
Непоседливый ветер, играя,
Растрепал на бульварах листья.
Мы пройдем по столице зеленой,
Звонко песни вокруг прозвучат,
И высоко небо влюбленно
Отразится в глазах у девчат.

Фото Г. Борисова.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ СТУДЕНТОВ

Фото В. Гюккеля

Семнадцать лет назад, 17 ноября 1939 года, гитлеровские оккупанты расстреляли девять чешских студентов, участников героического движения Сопротивления. Тысячи других молодых патриотов в этот день были брошены в тюрьмы и концлагери, а все чешские учебные заведения закрыты. Однако неистовые репрессии не могли заглушить горючего стремления и свободы. На место казненных, замученных, арестованных людей вставали тысячи новых борцов...

Прогрессивная студенческая молодежь всех стран независимо была впереди — там, где велись бои за социальную справедливость, за национальную независимость и свободу родного народа. Миллионы студентов в годы войны с оружием в руках защищали мир, индустрию и будущее от фашистских поработителей.

Международная солидарность студентов и их единство в борьбе с темными силами нацизма привели к созданию Международного союза студентов (МСС), который был основан на I Всемирном конгрессе студентов, собравшемся в 1946 году в освобожденной Праге. В память об отважных патриотах, расстрелянных фашистами, 17 ноября во всем мире отмечают

как Международный день студентов.

За прошедшие десятилетия МСС добился больших успехов. Союз активно содействует росту дружбы и взаимопонимания между молодежью всех континентов, поддерживает движение студентов национальных и зависимых стран за национальную независимость, культуру и образование.

Велико сегодня стремление всех честных людей к миру, прочно их единство и солидарность в борьбе против угрозы войны. Реакционные силы не могут с этим не считаться. И в этом благородном деле борьбы за мир есть немалая заслуга студенчества, активно выступавшего против создания военных баз, против гоним всоружений.

Студенты не хотят допустить, чтобы изгладилось повторилась трагедия 17 ноября 1939 года. Они уме не раз встречались на фестивалях, международных конференциях, семинарах, соревнованиях и студенческих играх. Юноши и девушки знают, что их сверстники со всех континентов зяжут пуши и атомных бомб предпочитают лишь дружбы и сотрудничеству.

На верхнем снимке вы видите студентов Первого Московского медицинского института, Юсеф Мохамед Бушара (в крайний слева) всего два месяца назад приехал сюда учиться с берегов древнего Исла, из Суэда, выталец Нгуен Хань-эм занимается медициной третий год, как и русская девушка Тамара Афанасьева, а чешка Ярослава Уривальдова и венгерка Марта Тот будущие немот получают дипломы врачей. Все они живут дружно, сплоченной семьей.

На снимке внизу: одно из занятий международного студенческого семинара по вопросам влияния национализма на культуру и образование, проходившего в Праге весной этого года.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Ноябрь. № 21. 1956 год.

Год
издания
33-й

Фото Г. Петрусова.

С 14 по 16 августа в Москве проходило Учредительное заседание Международного подготовительного комитета VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Участники заседания жили в студенческой общагине ИГУ на Ленинских горах. Когда студент Валентин Недведко впервые переступил порог комнаты № 730 сектора «Г», он нашел на столе письмо Набиха Рушайдата, участника сессии МПК, члена Национального комитета Борцов за мир в Иордании. Ниже мы публикуем письмо Набиха Рушайдата и ответ Валентина Недведко.

Дорогой друг!

Я пишу тебе это письмо в твоей комнате, куда меня поселили на время сессии Подготовительного комитета VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Я студент из арабской страны Иордании. Ты, конечно, слышал о ней. Моя родина — небольшая страна, но и она ведет героическую борьбу за свободу, независимость и мир во всем мире. Иорданцы горячо любят твою великую родину, твой великий народ, в котором мы видим оплот мира, свободы и братства между людьми всей земли.

Я не знаю тебя, друг, никогда тебя не видел, но знаю, как тебя зовут и на каком факультете ты учишься. Что ты изучаешь: литературу или медицину, архитектуру или точные науки? Я не знаю также, из Москвы ты или из Ленинграда, из Узбекистана или Башкирии, из Кореи или из Болгарии! Ведь я видел в Московском университете студентов самых различных национальностей! Да! Я тебя не знаю, и все, что мне о тебе известно — это, что ты студент Московского университета и учишься в этом гигантском здании, подобного которому я еще не видел ни в одной из европейских столиц и подобного которому, по словам одного из моих друзей, не сыщешь и в Америке!

Я знаю о тебе, что ты живешь в этой комнате, где все устроено так, чтобы человек мог спокойно заниматься и отдыхать. И я, конечно, не сомневаюсь в том, что ты хорошо учишься, потому

что в противном случае тебе нет никакого оправдания! Я вспоминаю о тебе, друг мой, утром, уходя из комнаты, и вечером, когда снова в нее возвращаюсь. Я вспоминаю о тебе и думаю о студентах, которых мне приходится видеть в западных университетах, о тех, кто жмется впроголодь. Многие из них не знают, где будут ночевать завтра, и с

И СОКРАЩАЮТСЯ БОЛЬШИЕ РАССТОЯНИЯ...

сомненным и неуверенностью смотрят в будущее, потому что в их странах строят казармы вместо университетов, пушки вместо лабораторий, делают ружья вместо кератидей и бумажки. Эти студенты борются мечтать и строить планы: они знают, что многим из них после получения диплома придется месяцами и годами ходить без работы или трудиться не по специальности.

Сидя в твоей комнате, я вспоминал о тысячах студентов моей страны, которые ведут сегодня борьбу за свободу, независимость и мир, за то, чтобы учиться, чтобы быть сытыми и одетыми, надежды, на завтрашний день. Студенты моей страны смотрят на тебя, друг мой, и на твоих товарищей, советских студентов, с глубокой любовью, видя в вас стропилей мира на земле. Ведь это мы, советские люди, отстаиваем мир в своих лабораториях и университетах, в произведениях литературы и искусства, в науке, отстаиваем его своим глубоким интернационализмом, которого не может не чувствовать всякий, кто приезжает в вашу страну и кому случается беседовать с советскими людьми.

Сегодня, друг мой, лозунг советско-арабской дружбы стал лозунгом самых широких народных масс в арабских странах.

Арабские народы не только отвергают лживую вражескую пропаганду о вашей стране, но твердо верят в миролюбивую советскую политику и стойко и

последовательно ее поддерживают.

Как бы мне хотелось, товарищ мой, чтобы ты побывал у нас в стране и сам, своими ушами, своим сердцем, услышав голоса арабов, провозглашающих здравцу за свободу и мир, за дружбу с советским народом.

Я как-то сказал одному из моих друзей, что уже один этот университет, этот симпатичный, добродушный великан сам по себе достаточно ярко свидетельствует, что Советский Союз — это символ мира.

Мы твердо знаем, друг мой, что силы мира и добра немного превосходят силы войны и зла, и ты можешь быть уверен, что враги, которые нудят на смерть за свободу, независимость и мир, никогда не допустят, чтобы кто-нибудь превратил эти страны в базу для военных на ССРС.

Может быть, через год, если мне повезет, приехать на фестиваль, мы с тобой встретимся. Я приду в это величественное здание, помню, на австралийском этапе и войду вновь в комнату № 730. И то бы ты ни был, я думаю, мы найдем с тобой общий язык, язык дружбы, мира и солидарности. Я обязательно приеду! Теперь уже не повторится печальный опыт прошлых лет, когда нашей молодежи чинили всевозможные препятствия, не давая возможности принимать участие в фестивале.

Сейчас наши молодежные организации определили. Мы усиленно готовимся к предстоящей встрече в Москве. Создаются комиссии, группы. В недалеком будущем начнется формирование фестивальных делегаций. Десятки тысяч молодых арабов принимают активное участие в подготовке к VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Все они, конечно, не смогут приехать в Москву, поэтому решено возложить подготовительную работу к грандиозному московскому празднику национальным молодежным фестивалям, в которых примут участие все арабские страны.

Иордания собирается послать на фестиваль около четырехсот лучших девушек и юношей. В их числе войдут молодые общественные и политические деятели, спортсмены, люди разных убеждений и разных профессий, принадлежащие к различным партиям. Они продемонстрируют мастерство нашего народа в песнях и танцах, в спортивных соревнованиях.

Впрочем, мой товарищ, ты все это увидишь сам в будущем году. Мы выйдем с тобой на улицы красавицы Москвы, которая хорошо видна из окна нашей комнаты. Итак, до встречи в Москве, мой незваный, но любимый друг!

Набих РУШАЙДАТ

Набих Рушайдат (в центре) с индонезийцами — участниками заседания МПК.

Дорогой Нахил!

В конце августа, после двух месяцев каникул, которые я провел у родных, я вновь открыл дверь своей комнаты и на письменном столе нашел необычное письмо.

Арабский язык, на котором оно написано, мне не знаком. Тогда я обратился к своим товарищам по курсу, студентам торжского отделения филологического факультета. Они мне перевели письмо.

Делегир арабский товарищ! Простую случайность, сделавшую меня жителем 730-й комнаты, я называю теперь счастливой: ведь благодаря ей я узнал друга.

Хотя твое письмо с тем же успехом могло попасть к посланцу Болгарии, Польши, Индии или Вьетнама, оно в основном адресовано советским студентам. К моему стыду, к моему народу, к моему товарищам ты обращаешься в нем. Я беру на себя смелость написать тебе и от их имени.

К сожалению, ты забыл Нахил, сообщить свой обратный адрес. Как же тебе ответить? Поэтому я решил передать тебе письмо и свой ответ на него в редакцию нашего молодежного журнала. Может быть, номер, в котором будут напечатаны наши письма, попадет и к тебе, в далекую Иорданию, и кто-нибудь из твоих товарищей, знающих русский язык, переведет тебе мое письмо.

Позволь мне, прежде чем ответить на твои вопросы, коротко рассказать о себе. Я русский, студент четвертого курса филологического факультета, зовут меня Валентин, а в Москву я приехал учиться из Новозыбкова, маленького городка Брянской области. За два года в своей жизни я еще не очень много видел и, конечно, совершенно не испытал тех трудностей, которые, как ты рассказывал, на каждом шагу испытывает молодежь арабских стран.

Ты пишешь о многих студентах зарубежных стран, которые не могут сказать сегодня, каким будет их завтрашний день.

Я не могу не верить тебе и знаю, что это так, но мне, как и каждому советскому человеку, порой трудно представить подобное. Трудно потому, что я родился и вырос в иной стране, в стране, где люди сами решают свои судьбы, где человек — строитель своего счастья, где в самом большом почете свобода и мирный труд.

Здание Московского университета, в котором учатся тысячи

мих сверстников и в котором ты увидел символ Страны Советов, является по праву нашей гордостью.

Нам хотелось бы, чтобы этот университет стал вечным оплотом дружбы, рожденной в его стенах, дружбы, прекрасной, как primavera, это здание днем и вечером, озаренное солнцем или ярким электрическим светом. Нам хотелось бы, чтобы все наши друзья, побывавшие в гостях у студентов Московского университета, писали в их адрес письма, подобные твоему письму. Нам хотелось бы, чтобы из этой переписки выросло единство юных и честных всей земли: арабов и русских, немцев и поляков, вьетнамцев и индусов, китайцев и англичан.

Товарищи, вернувшись в Москву после каникул раньше меня, рассказывали о том, в какой дружной и сердечной обстановке проходило заседание Международного подготовительного комитета, на котором ты присутствовал как делегат своей страны. Если бы ты был здесь, ты увидел бы, что наш актовый зал и большие аудитории никогда не пустуют, что наше молодежь, всегда с энтузиазмом встречает гостей со всех концов земли. Совсем недавно студенты университета приветствовали здесь делегатов австралийского поезда мира, несколько дней назад — посланцев итальянских, английских и датских студентов. Теперь ежемесячно в стенах нашего университета можно услышать песни и музыкальные различные стран и народов. С трибуны актового зала звучат горячие слова приветствия на немецком, английском, итальянском, испанском и других языках.

Дорогой Нахил Рушайда! Мне бы очень хотелось, чтобы мой ответ на твоё письмо послужил началом большой и долгой дружбы. И я почти не сомневаюсь, что это так и будет. Я уверен, что летом следующего года, когда Москва распахнет свои объятия перед молодежью всего мира, ты придешь ко мне в гости в комнату № 730 на Ленинских горах.

До фестиваля осталось не так много времени. Я очень хорошо знаю, с каким нетерпением ожидается он в моей стране. А сейчас каждый советский человек, каждый студент, будет он в это время в Москве или нет, даст себе, чтобы достойно встретить зарубежных гостей.

Уезжая после каникул в столицу, я покинул свой город как

раз в то время, когда работа по подготовке к фестивалю была там в самом разгаре. По всем районам Брянской области сейчас проводятся районные фестивали. В дома рабочих, колхозников, учителя почтальоны приносят красивые приглашения, которые извещают о дне праздника молодости. На полях стадионов, на страдных площадках, а то и просто на лесных опушках выступают музыканты, певцы, декламаторы, плясунки — участники самодельных коллективов сел, машинно-тракторных станций и районных предприятий. Победители в этих конкурсах поедут на областной фестиваль в Брянск, а уж лучше из лучших покинут свое искусство юношам и девушкам всех стран в Москве. Я надеюсь, что и ты, Нахил, увидишь моих земляков в июле — августе будущего года. Конечно, все они хотели бы приехать на праздничные дни в Москву, но это, к сожалению, невозможно.

Большая работа по подготовке к встрече молодежи проводится и в Московском университете. Неподолку от здания на Ленинских горах силами студентов сооружается новый стадион. Это будет наш подарок фестивалю. И нет ни одного студента, который не поддержал бы решения о строительстве стадиона и не принял живого участия в этом начинании.

Весь университет сейчас живет в атмосфере будущего праздника. Организуются выступления коллективов иностранных студентов, которые учатся в ИГУ; перед студентами выступают советские журналисты, писатели,

артисты; работники кино демонстрируют киночерки о Берлинском, Варшавском и других фестивалях. В нашем Доме культуры организуются циклы лекций о странах — участницах будущего фестиваля, лекции-концерты о музыке и песнях зарубежных стран.

Если бы ты, далекий арабский друг, мог сейчас присутствовать в зрительных залах университета, когда там читается лекция-концерт о музыке стран Латинской Америки, Китая, Индонезии, демонстрируются агитески или греческий фильм, ты увидел бы, что залы всегда переполнены.

Хорошие, большие человеческие чувства присущи каждому народу. И лучше всего они проявляются в здешности песен, в своеобразии национального танца, в обаянии музыки. Вот почему так велик наш интерес к музыке и танцам Индии, к песням Испании и Индонезии, к хорошему кинофильмам Италки, Мексики, Аргентины, Болгарии, Египта. Искреннее человеческое чувство понятно каждому и всегда находит отклик в сердцах трудящихся людей всей земли! Вот почему мы все так ждем первого дня фестиваля, когда в нашей Москве мы услышим голоса арабов, индусов, шведов, корейцев. Пусть слова чужой речи будут и непонятны мне или тебе, но язык танца, дружелюбия улыбок и крепких рукопожатий не требует перевода.

Дорогой Нахил! Я не прошось, я повторяю твои слова: до встречи, до скорой встречи в Москве!

Валентин НЕДЗВЕЦКИЙ

Дороги мира и дружбы ведут в Москву

В зале, где проходило заседание Международного подготовительного комитета VI Всемирного фестиваля, ко мне подошел незнакомый товарищ. Он представился корреспондентом «Смены» и попросил написать для журнала статью.

Должен признаться, дорогие читатели, что я поначалу не хотел соглашаться. Уж очень много было работы в те дни! Но разве можно отказаться написать о Всемирной Федерации демократической молодежи, о подготовке к фестивалю!

Я принимал участие во многих международных заседаниях и неоднократно рассказывал о них. Однако прошедшее совещание являлось одним из самых примечательных. Представители молодежи разных стран, подвергнувшей идею VI Фестиваля, собрались вместе, чтобы с равной ответственностью участвовать в его подготовке. На заседании был создан новый орган — Международный подготовительный комитет.

ВФДМ совместно с Международным союзом студентов провела уже пять фестивалей. Посвященные миру и дружбе, самым благородным идеям человечества, они стали прекрасной традицией, которая теперь дорога миллионам юношей и девушек.

Основная задача ВФДМ — способствовать расширению дружбы и сотрудничества молодежи всего мира. Мы считаем, что международные фестивали — один из лучших путей решения этой задачи. Вот почему Федерация обратилась к различным международным и национальным организациям молодежи, культурным и спортивным обществам, известным деятелям искусства с предложением принять участие в VI Фестивале, который состоится в 1957 году в Москве.

Результат этого рудного приглашения оказался на работе подготовительного комитета. Всеми, кто помнит о стараниях реакционных сил внести раскол в международное молодежное движение, может представить себе, что означает уже сам факт, что в зале заседаний рядом сидели представители молодежи Египта и Англии, Северной Африки и Франции, Голландии и Индонезии. Примечательно также участие в работе комитета таких общественных деятелей, как член парламента Греции либерал-демо-

крат Вардоганис, датский пастор Йорген Моллер, член парламента Сирии социалист Юмюб Юссефи, генеральный секретарь Союза индий Малайя Суддараи и многие другие.

126 делегатов и наблюдателей из 59 стран в атмосфере взаимопонимания и дружбы обсуждали, как лучше провести фестиваль.

Сколько новых знакомств, уз дружбы и взаимного уважения завязалось в эти дни между людьми, еще накануне не знавшими друг друга! Все это является предвосхищением смысла VI Фестиваля, чье снятие достигнет самых отдаленных районов земного шара. Подготовка к VI Фестивалю ведется повсюду. Особенно широко развернулось она после того, как был создан МПК и призыв «Приезжайте в Москву!» облетел нашу планету. Все, что связано с будущим фестивалем и особенно с местом его проведения — Москвой — уже сейчас вызывает огромный интерес. В Индии молодежные организации ищут свою форму участия в Московском фестивале. То же самое можно сказать о французских юношах и девушках, объединенных в организации:

«Музыкальная молодежь Франции» (насчитывает в своих рядах почти тысяч членов), «Центр молодежи в практическую деятельность» (орган, близкий к правительству), «Федерация домов культуры молодежи» (под председательством известного социалиста Андре Филиппа). Все они принимали участие в работе МПК. Такие организации, как большое педагогическое объединение «Лига образования», «Молодежь Всесоюзной сельскохозяйственной Конфедерации», «Французский Совет молодежных организаций» и некоторые другие, должны в скором времени объявить о своих решениях. Различные общества с сочувствием изучают наши предложения, приглашая их участвовать в том или ином разделе программы.

С целью подготовки к фестивалю во многих странах будут проведены молодежные праздники в национальном, областном и местном масштабах. В Корее, например, намечено организовать фестиваль, который объединит молодежь севера и юга. Школа танцев Чиндского университета даст берет лучших учеников для

публичных спектаклей. На средства, полученные от этих спектаклей, в Москву будет послана артистическая труппа.

Выступая на заседании МПК, доктор Абу-Азиз Абд-Аль-Халик Адам рассказал о подготовке к VI Фестивалю в Египте. Она идет там в тесной связи с ежегодными фестивалями школьников и студентов. В скором времени состоится встреча спортсменов арабских стран. В Сирии уже образован комитет по подготовке к VI Фестивалю, который при поддержке ВФДМ устраивает обширную культурную выставку. Эта выставка будет затем привезена в Москву. В Судане, недавно ставшем независимым, в городе Хартуме, состоялся в начале августа молодежный фестиваль.

Понадобилось бы странщицы и странщицы, чтобы рассказать обо всем, что готовят юноши и девушки разных стран к встрече со своими друзьями, жителями различных уголков земного шара, и в особенности с советской молодежью.

Позвольте мне в заключение написать несколько строк одному из вопросов, который наиболее полно отражает дух фестиваля и в котором ВФДМ принимает на себя большую ответственность. Я имею в виду вопрос о Международном фонде фестиваля. Дело в том, что для поездки в Москву нужно немало денег. Так, лишь дорожные расходы для делегата Латинской Америки равняются заработной плате рабочего за несколько дней. Многие страны еще несут бремя инфляты и отсталости. Но молодежь своими силами стремится разрешить материальные затруднения. Я уже говорил о чилийской молодежи.

В Грании, как мне рассказывал его делегат на МПК, «Народная лига футбола» проводит национальный турнир в честь VI Фестиваля. В Турнии примут участие восемьдесят команд. Собранные средства будут использованы для поездки в Москву.

На сессии МПК представители молодежи Швеции, Англии, Чехословакии, Венгрии заявили о решении своих молодежных организаций помочь юношам и девушкам некоторых далеких стран, особенно колониальных, послать делегацию на фестиваль. На заседании было также выдвинуто предложение, чтобы работающие юноши и девушки отчисляли небольшую сумму из своего заработка в Международный фонд фестиваля. Нет сомнения, что эта простая и благородная идея встретит горячий отклик.

Все члены нашей Федерации гордятся тем, что могут способствовать подготовке и успеху VI Фестиваля. Нужно и дальше развивать инициативу молодежи, чтобы юноши и девушки нашего времени на деле выполняли свой долг перед соотечественниками. Мирное движение, наполненное сердцем молодежи, должно найти свое естественное выражение в подготовке и проведении фестивалей.

Служить делу мира — это значит бороться за то, чтобы каждая страна прислала на фестиваль в Москву авторитетное и широкое представительство. Служить делу мира — это значит звать чужих, нужд, идеями молодежи других стран, способствовать встречам, ведущим к лучшему пониманию между людьми различных наций, верований, убеждений.

Юноши и девушки Колумбии готовят к фестивалю новобискую пляску.
Фото Г. Куеллара.

Вьетнамская молодежь разучивает танец к VI Фестивалю.
Фото Нгуен Дюк Тоана.

ЧЕСТЬ СЕМЬИ БУГРОВЫХ

Фото А. Моклецова.

Борис пришел к отцу за советом.

Гидротурбинный цех Ленинградского металлургического завода рабочие в шутку называют «Всевиной». Ночью, когда загораются люминесцентные лампы под высокой стеклянной крышей, громадный цех, занимающий целый квартал, и в самом деле напоминает небо, усыпанное звездами. В этом цехе рождается техника, которая вырабатывает электрическую энергию на многих мощнейших ГЭС страны. Инженеры собирающих здесь турбины вместе с генераторами достигают почти половины высоты Исакиевского собора! Такие агрегаты не создавала еще ни одна из европейских и заокеанских турбостроительных фирм...

Сейчас обеденный перерыв, и в цехе почти безлюдно. Замерли стогонные краны. Остановились могучие крановые станины. И только на стенде, у цита с множеством приборов, чем-то заняты два человека.

Навислой конструктор с темной, вздернутой шевелюрой, прильнув к щиту, нервно крутит один из маховичков. Глаза его, не отрываясь, смотрят на указательную стрелку прибора, которая дергается вправо и влево, вверх и вниз. Окончательно убедившись, что за щитом опять «прилипсывает главный золотник», конструктор туго прокиосит:

— Какаа болтанка! — И добавляет потише, но так, чтобы его услышали: — Говорил же я, чтобы не доверяли сборку регулятора мальчишке.

А мальчишкаа стоит тут же, радом, и лицо его бледно от волнения. Это сукошавый, подвижной парень с загорелым лицом и живыми, смилешными глазами — молодой слесарь

Борис Бугров, младший представитель именитой рабочей семьи Бугровых, которые вот уже сто лет трудятся на Металлическом заводе. Борису двадцать семь лет, из них восемь он отслужил на флоте и четыре года провел на заводе.

«А, может, и в самом деле моих четырех лет заводского стажа мало для сборки таких узлов? — думает он с горечью. — Да нет, не должно быть! С закрытыми глазами смог бы собрать эту систему».

Утром, направляясь на работу, Борис увидел на проходных воротах завода свежий плакатомодом, вытисщенный комсомольским контрольным постом «Борис Бугров! Ты задерживаешь график сборки крупнейшей турбины! В самое сердце ударила эта система».

«Не пришлось бы разбирать систему», — мелькает тревожная мысль. И Борис снова запускает руку в регулятор.

— Ну, что обнаружил? — нетерпеливо спрашивает конструктор.

Борис пожимает плечами: нет, он ничего не обнаружил.

Кончился обеденный час. Разгулялась погода. Полуденное солнце, набрав силу, разогнало осенние облака и озарило станины и людей на стенде. С нарастающим гулом понеслись под крышей могучие краны со стоготными талетами на стальных вкоках.

К конструктору и молодому слесарю подходит старший мастер сборки Георгий Александрович Бугров.

— Хватит возмунку тунуть, — говорит он, бросая на стенд груд чертежей. — Начинайте сверку.

О том, что это отец Бориса, легко догадаться. У сына такое же открытое лицо, такие же голубые глаза. Бугров-старший пропустил через свой стед все водяные турбины, построенные на заводе, — и волжские, и камские, и днепровские, и те, что работают сейчас на рече Янды в Китае. И ому, старому мастеру, особенно обидно, что график сборки турбины поставлен под угрозу из-за регулятора, который доверили собрать его сыну.

Конструктор долго и придирчиво проверяет работу молодого Бугрова, но никакого изъяна обнаружить не может. Конфигурация всех механизмов: золотника, маятника, соединительных

и отводящих трубок — с точностью до двух и даже одной сотой миллиметра совпадает с чертежом.

— Не должно быть ошибок, — тихо, словно про себя, замечает Борис.

Снава очки, конструктор неодобрительно смотрит на молодого слесаря: — Не надо быть таким самоуверенным, мой друг человек! Вот разберут сегодня вашу систему, хороший вид у вас будет. Посмотрите, что вы запоете вечером.

Георгий Александрович улыбается: Борис — и вяду самоуверенный... Вот это уж неверно! В роду Бугровых такни не бывало.

Старший мастер думает об этом и ловит себя на мысли, что хочет оправдать сына... А стоит ли он этого? Ведь Георгий Александрович недавно сам составлял проект приказа, в котором слесари Бугрову выносились взыскание за нарушение трудовой дисциплины.

А получилось это вот как. В обеденный час Борис отправился в ресторан, что на Коммунальном. Посидел он там с друзьями и опоздал на работу. Георгий Александрович за голову схватился, когда узнал, что его сына не пустили на завод, которому сына отдава сто лет жизни! Он долго не мог простить Борису этого легкомысленного поступка. И на что только надевался Борис! Может быть, на то, что его вырчит отец, который в ту пору исполнял обязанности начальника участка сборочной бригады Александровича решительно потряс! Георгий Александрович строгой выговор, чтобы сын запомнил строгий выговор.

С опущенной головой стоит сын перед отцом. Борис получил выговор. Как же ему исполнить свою вину? Тяжелое у парня на душе...

Туча

Три недели... Четыре недели...
 Ни дождинки на землю,
 Трава под ногами хрустит,
 Виселись, поднимались над рожью,
 Глаза пролетали, не считая,
 Голубыми их взглядами поле грустит.

Призятило село.
 Агроном, как распятый на раме,
 Все стоило случится — не покорит сарая.
 Не вдохнется: накурил.
 Счастье ходит кругом,
 И ворочает глухо громами,
 Льет, где лето,
 Не каплет, где шмьл.
 И откудова тихо, сторопкою, краем
 Ота туча пришла.

Да не туча — один слоупок.
 Если никак случится — не покорит сарая.
 Про все и подумать никто бы не мог.
 В небо выбрала место для себя поудобней,
 Замелью тельно окопала:
 Дождь навесной
 Поилса, как молодцы струи в подбойник
 В палисадниках плещутся лужи,
 Прямой, пролоний!
 Серебристые нити все чаще, все туже.
 Торюя, одобряя, гром вьдоль тучи прошел.
 Жест на крышах гудит.
 В палисадниках плещутся лужи,
 В огородах, в садах — зелено и свежо.
 Вот пошла стороной,
 Но вернулась обратно!
 И тяжеле каплет по ветеру
 Все летит, как шипенные зерна с лопаты
 Неустойной вальщика на току.
 Немуудраца речка —
 Воробью до колел не хватает —
 Так бурлит, так крутит жернова сорочка —
 Сейса сейбой муча.
 Теплым облаком в ларь оседает.
 Ребятишки и птицы над речкой кричат.
 И под радугой туча понеслася, пропала.
 Над устьем заливов,
 Над зеленою гривой берез
 Высомо поднялася отработанная, пустая,
 Смяло облако дыма потерял паровоз.

с. Княсово Городище,
 Ульяновской области.

Виктор КИСЕЛЕВ

Учетчица

Везут машины гравий на плотину.
 И у шюферов легче на душе,
 Как только пороволются машины
 С учетчицей в брезентовом плаще.
 Она уверенно условным знаком
 Где надо остановит самовоз,
 Шутливо скажет: «Нашь-то, однако,
 Поважее стал, чем Турецкий вал».
 Шюферы, праяма скажем, не до шукот,
 Коль за спиною двадцать с лишком
 тонн.

Свою машину развернув некруто,
 Она вьсазывает гравий наплот.
 Теперь бы показывать с черноглазого,
 Но стоит только обратиться к ней,
 Учетчица спешит к другому МАЗу,
 Как бы дразня медлительных парней.
 Чтоб от слова не думать, не считать,
 Гарячий язык, а не шюфера имя
 Записывает девушка в тетрадь.
 Но, видимо, на все свои причины,
 В случившихся закономерности есть:
 Ее всегда везет домой с плотины
 Машина «ИЖ-15-46».

г. Иркутск.

— Пересаливайшь, Георгий Александровичу — с улыбкой заметил тогда начальник цеха, вычерчивая из проекта слово «строгий». — По-моему, Борис — неплохой мальчик. Хватит с него и выговора.

Пожоже, что хватило. Сегодня Борис даже в заводскую столовую не пошел: все садится в свою систему. На этот раз Георгий Александрович убедился в том, что сын потрудился на совесть, выдержал необходимый курс точности, когда собирал систему.

Старший мастер подходит к цеху, поворачивает выключок и смотрит, как болтается непонятная стрелка.

— Не хочет остановиться. Вот подлали!

— Что вертеть ее зря! Не могу больше видеть эту отвратительную болтанку. — болезненно морщится конструктор.

— Ничего, — зитро улыбается Георгий Александрович и снова поворачивает штурвалы.

Стрелка на приборе продолжает плыть. Но эта «болтанка» почему-то не смущает старшего мастера.

— Послушайте, друзья! — обращается он вдруг к конструктору и к сыну одновременно. — От какого сервомотора вы испытываете свою систему? От цехового? Так он же слабенький. Ведь мощный сервомотор, предназначенный для этой системы, уже отправлен на Волгу...

И сразу все становится ясно. Люди на стенде преобладарисы. Конструктор, который только что ругал систему, с такой же пылкостью берет ее под свою защиту.

Борис краснеет. Как же он сам не мог догадаться до такой простой вещи! Но как бы то ни было, а его репутация слесаря спасена. Не легло пятно на потомственную рабочую семью Бугровых.

Семья Бугровых...

В середине прошлого века из Тверской губернии отправился на заработки в Санкт-Петербург бывший крепостной плотник Иван Бугров. Это был невысокого роста, коренастый человек. Приехал он в столицу в ветхом армячонке, с плотничью сумкой на боку. Тогда только что освободили крестьян от крепостной зависимости. Волком дали, а земель не выдали. И многие тысячи бывших крепостных, таких же обездоленных, как прадед Бориса Иван Бугров, месили лаптями грязь на дорогах, направляясь в города поступать на фабрики и заводы.

В центре столицы высились великолепные

Людмила учится в девятом классе средней школы, а Борис — в седьмом. Сестра охотно помогает брату, если тот испытывает затруднения в учебе...

дворцы, памятники. По вымощенному торцом Невскому проспекту много катили роскошные экипажи. А на рабочих окраинах запылялись грязью кривые улочки, переулочки, мигали на ветру фонарики чадных питейных заведений. Трудной лодой ютились в деревянных домишках в небообразной тесноте и бедности.

В ту пору на Выборгской стороне уже существовали «Растеревые мастерские» — будущий Металлический завод. «Растеревыми» они назывались по имени их первого владельца, купца Ивана Бугрова. Его звалили модельщиком; он готовил формы для литья.

Передовые рабочие «Растеревых мастерских» тайно от хозяина поилины создали кассу взаимопомощи. Возвелик в нее и модельщика Ивана Бугрова, который внес в массу свой пай из скудного заработка — пятнадцать копеек медяками. То был первый акт рабочей солидарности в семье Бугровых. И мальчик Александр Иванович, токарь по специальности, был уже из тех рабочих, кто вступил на путь организованной революционной борьбы. За ним охотился царская полиция. Иван Бугров распустил в мастерской, расширяющей подпольную литературу, был выборным казначеем заводской кассы взаимопомощи, которая оказывала материальную поддержку бастующим рабочим. Он и сына своего учил бороться за рабочее дело. И мальчик Гоша совершил однажды поистине героический поступок: он прихватил болтами выходные ворота со двора, в котором жили полицейские и казаки, готовившиеся нагнать на рабочую демонстрацию. «По ночам» — скондамовал казачий есаул, увидев, что по улице двинулась со знаменами колонна демонстрантов. Но тщетно вертелся в одиночку перед нагнущою закрытыми воротами...

Особенно памятен в семье Бугровых один осенний вечер вскоре после Февральской революции. Из уст в уста передавался среди рабочих радостная весть:

— С выборгским поездом приезжает Ленин!

Токарь Александр Иванович Бугров пошел с сыном Георгием в Финляндское вокзалу, куда устремлялись тысячи рабочих со знаменами. Гоша навсегда запомнил эти восторженные людские и гудящие вагоны на прилегающей площадке. Запомнил, как затихли все, когда на площадке появился невысокий человек в черном пальто и в кепке. А потом Владимир Ильич Ленин, стоя на баранинке, обратил к петроградским пролетариям...

Запомнились отцу Бориса и суровые годы гражданской войны, и голод, и разруха. То было испытание преданности, стойкости человека из потомственной рабочей семьи. Все перетерпело. Через все прошли! А спустя несколько лет Александр Иванович и его сын, молодой слесарь Георгий Бугров, вместе собирали первую водную турбину. Целый год строили ее на заводе, а вылезли всего на трех походах. Но из этой крохотной машины, едва достигшей человеку до плеча, как из зерна, выросли потом днепровские турбины, цимлянские, камские и могучие волжские великаны.

...Полвека труда за плечами старшего мастера Георгия Александровича Бугрова. И в этой борьбе за осуществление ленинского плана электрификации страны. Чудесные машины, в создании которых он участвовал, дают миллион людей свет и радость.

Борис, представитель четвертого поколения этой потомственной рабочей семьи, пошел по стопам своего прадеда, деда и отца. Он стал таким же, как они, рабочим человеком. В грядущих турбинах, которые выпускает завод старшего электростроителя, строившего по шестому пятилетнему плану, есть и частичка его труда. И если как слесарь он порой еще неуверенно чувствует себя и подчас ошибается в жизни, то это надо отписать на его неопытность и молодость. Но все волнения, огорчения и радости Бориса неразрывно связаны с заводом, который ему так же дорог, как честь его именитой, славной семьи — семьи Бугровых.

г. Ленинград.

Н. ЧЕБАЕВСКИЙ

ПОДВИГ

Рассказ

Рассказ этот я услышал возле паромной переправы через Чумыш.

На берегу скопилось много машин. Наш грузовик оказался в хвосте очереди. Шофер пригнул мотор, вышел из кабинки перекурить с водителем, сидевшим у реки на толстом бревне. На цыгарки, как водится, пошла вчерашняя газета.

— Да, вот, ребята, — сказал он, разрывая газету. — И вчера читал, тут как раз о нашем брате говорится. Хотите послушать?

Статья называлась «В жизни всегда есть место для подвига». Рассказывалось в ней о том, как один шофер в непогоду вел машину по раскисшему проселку, а когда грузовик начал буксовать, он подкапывал под скаты свою стеганку.

— А как же это геройство, — сказал водитель в солдатской гимнастерке, — по грязи проехать да фруфяку под колеса кинуть? Подумаешь!

— По бедоржою съездить тоже воля нужна, — возразил пожилой шофер.

— Ну тогда, выходит, все мы герои! — рассмеялся водитель, сидевший на самом коротком бревне.

К шоферам подошел белобрюсый крижастый парень в комбинезоне, когда-то синем, а теперь замасленном до черноты, несомненно, тракторист.

— Тут вот веселый случай был, настоящий подвиг!

Все посмотрели на тракториста. Он пришел на ворочках и спокойно принялся свертывать цыгарку.

— Начал, так раскислая...

— Кто сделал подвиг-то этот?

— Чижиков наш... Вот здесь, на тросе. — Тракторист кинул на толстый канат, протянутый через реку. — Но ему на бревно паром ходит.

Молодежный шофер недоверчиво хмыкнул.

— Как это можно на тросе подвиг совершать? Разве толсто цырквою ногой какой-нибудь!

— А ты не смеялся! Тракторист наступил ковыльные брови, сердито пыснул цыгаркой и начал. Выл он, наверно, человеком нетерпимым, поэтому повел рассказ издалека:

— Приехал этот Чижиков на подьем целины из Белгородской области. Попал в нашу бригаду. Трактор знает, ничего не скажешь, вообще парень сметливый, только характер уж больно непоседливый, не-

сервизный. Ухватится за дело, горит весь — любо смотреть. А немного погоди оно ему уж насукчило, так и норовит увиливать, влезть за что-нибудь другое... Не лентяй, не лежебока, минуты не посидит спокойно. Крутится целый день выносом, а толку не выдать. И внешность у парня неказистая, росточка маленького, волоса рыжие с темными подпалинами, нос кверху задран, а лицо будто гречихой посыпано...

— Через месяц этот целинник обжалит! — сказал наш бригадир. — Помните же слово. Такие добрый воз тянуть не могут».

А бригадир у нас, Петр Корнев, человек хоть молодой, но здорово самостоятельный, всегда серьезный. Он тебе зря не улыбется, глупости не выкинет. Из ртомца дядя добрый — идет, так земля под ним вздрагивает, будто под трактором... Ясно, Чижиков, Сашка, как его сразу прозвали, не мог ему понравиться. Они только еще знакомится стали, а Чижиков такого учудил.

«Э-э, — говорит бригадир, — мы с вами, наверно, давняя родня!»

«С чего бы это?»

«А сколько вы ласточкиных гнезд разорили?»

«Не зорил я гнезд, — смущился бригадир. — И вообще не пойму, к чему такой глупый вопрос».

«Да старик болтает: кто сколько ласточкиных гнезд разорил, у того столько и конопатник на лице...»

«Брехня!» — буркнул наш Корнев.

«И тоже так думаю, Ласточкиных гнезд и мне никогда разорить не доводилось. Зато воронных много расковырял! Может, вот старикан? Может, от воронных гнезд конопатки на лице вскакивают?» — спрашивает Сашка.

«Все враки!» — еще больше покресил бригадир.

«Ну тогда, может, мы и не родня, — заключил Чижиков.»

Кто знает, почему, но только умел он смеяться. Скажет вроде совсем пустинное, а все хочотчет. Засмеялся мы тогда, со всем рассердился бригадир. Он, похоже, решил, что разговор о конопатниках поддразняет его авторитет...

А больше всего смеялась Кюшча, наша принцепидца. Девушка она тихая, спокойная, старательная. И казалось нам, что была у них с бригадиром такая же ровная, как они сами, любовь. Но вот появился у нас Чижиков, и сразу все, что первовернулось. Прежде всего обнаружилось, что Кюшча во-

все не серьезная девушка, а удивительная хохотушка. Стоило только Сашку рт раскрыть, подмигнуть, как она уже прыскала в ладошку. И самостоятельности у нее никакой не оказалось. Мы думали, что, кроме Корнева, она никого не замечает, а пром Сапож, Кюшча глаз с него сводить не стала. Где уж тут такое нашему бригадирю понравится! Помрачнел он, Чижикова вовсе не любил...

— Чего-то ребята не туда вроде заносит! — сказал строгий шофер-солдат. — Начал о подвиге, а сбился на любовь...

— Так надо же, поди, о Чижикове сначала сказать, — возразил рассказчик, — чтоб все знали, какой он был и какой стал.

Тракторист помолчал, обдумывая, как вести рассказ дальше, и продолжал:

— Весной на этой же переправе наша бригада застряла. Мы с тремя тракторами на том берегу стоим, а паром на этом. Плот перед нами гнали, завалился плотовщик, ударило бревнами паром по борту, а паром небольшой — только доски затрещали. Насику устали на берегу вытаскивать. Плоты ехали мы, смотрим: два плотника возле парома возятся... В общем, нам ждать не с руки. Остали мы Кюшчу за сторожа у трактором, а сами на лодке к плотникам на помощь. Кто плавал, кто топором, кто молотком орудовал, стараемся, торопимся. Приподлази, вечер прихватили...

Погода стояла тогда благодатная, не что сейчас — жарница, пылица, не продохнешь. Ветерочек майский, тугой такой, воду выбит. Месяц выгнугал за бугром. На небетомы его и не заметили, а глядим, в реке у того берега полочется...

«В такой бы вот вечер на березку с милдой поехать!» — завизжал Сапожок.

Бригадир, недоумываясь, посмотрел. «Ты не о девках — о пароме думай!»

«А чего о нем думать?» — усмехнулся Чижиков. — Паром не денка, к другому не убежит».

Бригадир тут пошло в самую болочку. Он налил кровью и так ударила топором по бревну, что крепкое березовое топорище расколосло. Но ответил спокойно:

«Есть и парни покруже девок. Скажут, как чижиком в колхозе, так и в пароме. Паром для себя кусок хлеба заработать не под силу, не то что другого его прокормить».

Только шалшич — নাম Сапка ничуть не ведал.

«Так южаник и находит себе чижикову, которая сама кормится», — заявил он бесчелно.

Тут уж Корневу нечем больше было уколоть. Свем он брови, бурнугал:

«Хватит изъясни чешать! Весна уходит, а летом черт бы целину не поднимал».

Все опять заступали топорами. Только у Сашки терпения надолго не хватило. Глядим, подпрыгнул он, ухватился за трос и начал крутить — на дужках и через колесо. Такие номера выкидывает — не хочешь, а залобуешься. Даже бригадир поврался с одобрением:

«Тот цыркач».

Колесика начавшая Сашку тут бы не милковать, заставили бы всей бригадой подчиняться дисциплине. Но случилось такое, что не до этого стало.

Только соскочил Сапожок на землю, как на другом берегу закричала Кюшча. Орег не своим лопом:

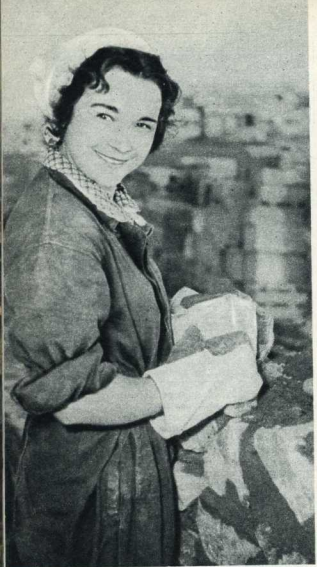
«Пал! Пал!»

Мы сначала было о Сашке подумали: никак, мол, не упал, а просто прыгнул. Кюшча не жалеет, годок срывает:

«Пал иди! Пал иди!»

Ну, тут мы сообразили, что дело неладное. Смотрим, а от кустов на залучине огонь бежит... Последние дни солнышко припекло, и хоть по логам снег еще не все согнало, но на косотрпах припекло уже некое подействие. Есть где огонь разгуляться... Это янчуге тут дорогу натекали, а весной сплывший целик был, даже просошло все с тридцати футов.

Тракторист замуркнул, цыкнул языком. — Красная, скажу, штука эти весенние палы. Особенно темной ночью. Глядишь, кругом по степи ползает золотые змеи и то к земле припадут, то к небу вскнут...

Василий ЖУРАВЛЕВ

ПИСЬМО Евгении Поляниной,

«КАМЕНЩИЦЕ «СОКОЛОВУДСТРОЯ»

Здравствуй, Женя Полянина!
Здравствуй!
Порешаши нарушить молчание,
Я пишу тебе ныне, глазаю,
Выполнила свое обещание.

Снова сердце заветного просит,
Небывалого,
Светлого,
Трудного.

Сам любил старую стерию выжигать...
Только тут нам не до любования было:
пал-то к трактору пид, на прицепах у нас
бочки с соляркой, бензин для пускатей.
Поберется огонь, все к дымяю взорвется.
Вместо машин будет один железный лом...

И уж близко осень — всего метром полтора
ста от тракторов. Кюсюна раньше его
не заметила, потому что он под берегом
заялся. Должно, какой-то мальчишка-рыбак
костер не загасил...

Ну, нам некогда сооружать, как да от-
того. Надо машины спасти, пока не поздно.
Кюсюна-то беспомощна, трактор водить не
умеет, на прицепе второго этуру недела си-
дела...

Решили лодку спускать. А по реке-то мо-
дельная лодка началась. С час свое назад,
как запыл, вверх забрали, лес палы — брев-
но к бревну...

Как лодку в сплав переправить? Ужнет
с ходу бревном — цепь полетит... Но, в об-
щем, сплываем лодку в воду...

И мечта меня снова уносит
На строительство
Города Гудного.

В час,
Когда наблюдал я украдкой,
Как прораб от лебедки
сторонится,
Ты стояла
Над каменной кладкой —
Из Уральска
Вечерняя школьница.
Ты стояла немножко другая
Над своею работою первой,
Мастером кирпичу помогаю
Встать на место,
Единственно верное.

Шла гроза от далекого бора,
Над равниною небо гудело...
А в тебе
было столько задора,
было столько
альбиносности
в дело,
Что в груди моей сердце забилось,
Словно в зарослях пеночка легкая.

Уж не чудом ли здесь появилась
юность давняя,
юность далекая?..
Как в те дни,
Выл и смелый и весел,
види драги
под грузной
погруженою,
Будто здесь, в Кустанайщине,
вспристал
Комсомольскую славу
амурскую.

Там в те годы
Отчаянно стойко
Шли вперед мы, в болотах
работая,
Там велась
Напа первая стройка,
Здесь возводится, может быть,
сотаи.

Молодые и сильные люди,
вы лутственно
хорите
зажжико.
Знаю, веро,
Что город ваш будет
Во сто раз удивительней нашего.

Знаю, веро:
И это сражение
Как задумано, так и исполнится.
И тому ты порукою, Женя,
Из Уральска
Вечерашняя школьница.

Кюсюна смотрит на нас с того берега, не
знает, что и делать. А бревно, вот оно, разо-
гнолось — раз по носу лодки! Все! Расколо-
лась лодочка, как ледо, опрокинулись,
берег подплыл... Как теперь на тот
вспа по воде поплыти? Как спасти тракторы? И на-
до же было догадаться одну прицепицу у
машин оставить!

А пал все сильнее идет, все ближе, полу-
кругом начинает машины охватывать. Мед-
лить нельзя, раздумывать некогда, надо
что-то делать!

Бригадир наш вздумал по бревнам пере-
браться. Прыгать с одного на другое до
лодки... Ну, это сплитному сплавщику,
Корнея же наш на первом бревне перевер-
нулся, плюхнулся в воду, насылу вытацил-
ли ларя.

Еще кому поспособовать не хватило духу.
Расчерзались вовсе. Мечемся мы на этом
берегу, Кюсюна на том... А пал трещит, на-
катывается,

Варут слышим, Кюсюна вскрикнула. Гля-
нули мы и обмерли: на тресе, над водой,
Чикинов висит. Вернее, не висит, а руками
перехватывается, двигается к тому берегу...
Пока мы охали да тадали, как быть, он по
тросу решил перебраться...

Сначала у него дело шло хождо. Привыл,
знать, на турниках работать. Однако трес
он трес и есть — толстый, рубчатый. А река,
сам видишь, не такая уж маленькая...
Гудно, ясно, скоро Сапож натер. Из сил
стал выбиваться, все медленнее двигается.
Раскатывать его начало на стороны в сто-
рону, как маятник... Значит, перехватыва-
ется рысками, с грудом... Вот и вовсе
остановился...

Мы и дышать боимся — не сорвался бы,
не ухнул в воду. «Молодец! — кричим мы —
Держись, Сапож!»

Но Сапож или не слышал, или силенки
у него вымотались. Опять остановился...
Почти на самой середине реки... Повисел,
повисел, глядим: что это такое? Ноги аверх
вскинул, зацепился за трес, висит вися ту-
ловый. Это он, оказывается, руками дает
отдохнуть по-настоящему. А нас переку-
гал...

А как не переугасть! Трес над середи-
ной реки провис, Чикинов на нем кинул
головой болтается, чуть до воды — носом
не достает... Вечер-то месячный, хорошо ви-
дать, как дес мимо головы мелькает, так и
чудится, заденет каким-нибудь бревном...

Но ничего, все обошлось. Немного погоди
он снова подтянулся на руках и двинулся
дальше. Добрался-таки до того берега — и
к машинам...

— А пал? — спросил молодецкий шофер.
— Во-время подоспел Чикинов. Огонь уж
совсем рядом был. Еще бы минут пятно, и
не вылез бы. Но Сапож сообразил, что
сделать. Опанхивать уже некогда, по одной
машине в сторону угодить — тоже. Он завел
сразу все три трактора, развернул, на один
Кюсюну в кабину затолкал гони, мол, при-
едем, не хитрое дело, трактор не автомашина,
сам в сторону не свернет! Второй совсем
без человека вперед отправил, а на третьем
сам вдолгую покатил... Чуть не сквозь
огонь вырвался... Так и спас все машины...
Доплатить-то потом да остановить их уж не-
трудно было...

— Да-а... Это верно, — подит как под-
ви! — произнес молодецкий шофер.

Тракторист тщательно затоптал окорок в
песок и спросил:

— Согласен, значит? А знаешь, почему
еще можно это назвать настоящим подви-
гом?

— Ясно, почему: такое человек сделал!
Сделал Чикинов, веро, так же, как не
каждому по плечу. Только и это могло
обернуться вовсе не подвигом.

— Как то есть?

— А так. Важно, что доброе дело на че-
ловече добром отозвалось. Ведь вот будет
в будущем деле сущность стальной брус в
огонь, а из огня в масло для закладки.
Глядь, перекалли. Хрупкая штука получи-
лась, слабая на излом... То же и с челове-
ком бывает. Мог Сапож после этого случая
совсем испортиться. Я, дескать, герой, мне
теперь все с рук сойдет...

— Ну, а ои?

— Сапжу, наверное, такое вот испытание,
как на тресе, и нужно было. Переменился
человек и юрине... Совсем другой стал. Те-
перь даже наш бригадир не говорит, что он
перелетит к готовой комурске. Теперь
надежнее Чикинова во всей МТБ трактори-
стиче нет. Как бы трудно ни было, зуб
стискивает, сделает, что надо!.. А почему?
Пропел человек закладку, поверил в себя,
понял, что другие на него надеются, знают,
что не подведет. А вера, брат, — великая
штука!

— Глядишь адрут усмежнулся.

— Только шутник все так же остался.
Тут ничего не помогло.

— А Кюсюн? — спросил молодецкий
шофер.

— Кюсюн? Еще большей хохотухой
стала... На Октябрьскую замуж ее выдвем...

А вот за кого, никто и не спросил...

с. Тогул, Алтайского края.

В. ВЕЛИЧКО

Деревенские перемены

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Рисунки В. Каменского.

Возвращение в места желанные, полюбившиеся — дело, всегда волнующее. Но тем более впечатлительно оно и по-хорошему тревожно, когда ты не был там чуть ли не два года, а крутом — большие народные события, смелые демократические перемены, бурное общественное оживление и даже в отдаленности чувствуешь и слышишь, как все это отзывается в тех желанных местах ответным эхом.

В таком избудораженном состоянии духа направлялся я в Заволжье, на Новоузенские земли.

Страна эта известная. После памятного всем описания Лениным крестьянской жизни на Новоузенских землях мысленная Россия уже никогда не терпела интереса к широкой просторам Заволжья и соседства с ней живыми, находя в той жизни общее, родственные или сходные черты для всего юго-востока России, а во многом и для России в целом. Да, там отражалась Россия многогранная, многоликая — Россия и Пугачева, и Чернышевского, и Ленина. А уж памятны Новоузенские земли даже тем, кто никогда не знали покоя или умиротворения, подобно, скажем, лирическому Подомосковию. Такими они и сейчас — веселые, ветреные, в вечных скачках с суховеями, жадущие.

Но теперь они полны неукротимой, шумящей, творческой деятельности.

Колхозы-соседи, куда я направлялся (один — имени XIX партсъезда в селе Верхний Кунум, а другой — имени Сталина в селе Лобки-1), объединяют пять деревень, похожих друг на друга: в каждой саманные избы, голые, лишенные зелени улицы и неизменные обширные пруды за окнами; две расположенные фермы, хозяйственные дворы, склады. А в тротуар — явны, явны без конца и края. Деревня тонет, исчезают меж хлебов, и трудно обнаружить тут какие-либо грани — хлеба беспрерывны, несокочаемы, так же, как море, в котором напрасно искать между Пролетарскими дорогами редки и неприметны. И только видны, как вдали клубятся что-то на темном горизонте, будто дым корабли, — это ветер поднял пыль на затерзанном меж хлебами

болышке. Вот он скрутил ее в жгут и несет, как султан или свечку, куда-то вверх, в бездонное горячее небо, что трепещет и изливается звоном жаворонка.

Бескрайности! Все суше отдалось воде безбрежных нив и плывет по ним.

И земельные грани меньше всего тут важны. Соседи знают, что никто ничего у них не захватит; сами они тоже не возьмут чужого. Ныне земельные грани иррают дружно и более значительную роль, нежели лишь утверждение собственности: они словно бы края или берега того житнейского моря, в котором быт волной, понюхает, иррает искрами колхозная жизнь, непоторное вино земли и солнца — оно и пьяное, и сладостное, и горьковатое...

Стонет густой аюй.
Зреют хлеба.

Деревня сейчас строится.

Время для этого подхалающее: сенокос закончен, страды еще не начались. И тут каждый колхозник обратился к нуждам своего двора.

Строится деревня несомненно сильно, в жаром. И эта особенность сразу же бросается в глаза: во всех пяти деревнях одинаковая картина — в порядках улиц часты новые дома и целиком новые дворы, стоят саманные стены будущих домов и построек, припасен лес, подведено электричество к местам стройки новых дворов.

В иных селах мустарей совсем не осталось. А в Лобках старые границы села оказались узки, их пришлось раздвинуть — возникла совсем новая улица; в Верхнем Кунуме тоже началась строится новая улица. Все это стройки колхозников, и размах большой: всюду месат глину, делают кирпичи, расчищают площадки для дворов. Лица у людей задуменные, озабоченные, но под тешью дум и заботы — радость, веселые искры глаза. И радуешься вместе с ними: новые дома просторные с большими окнами; изнутри все покрашено, нет тех уродливых пещей, что загнивали всю избу; понылись в домах хорошие мебель.

Эта перемена в деревне произошла всего за два последних года. И началась она повсюду

круто. Скажем так: в 1951 году и в последующие два года в Лобках не было загороно ни одного двора, а в 1954 году — 20, в 1955 году — 25 дворов, не считая строительства отдельных или перестройки старых домов.

Новые дворы строятся за одно лето и сразу со всеми жилыми и хозяйственными постройками. По старым временам такое дело было непосильно для самой крепкой колхозной семьи, ныне посильно любой семье: колхозы помогают строящимся лесом, тяглом, машинами, иногда судой или безвозвратным кредитом... Расцветаются деревни новыми крышами — тесовыми, шиферными, железными.

— Почему же понымались мустарей на деревне прежде и как они понымались?

— Спроси я об этом у дяди Алексея, что из колхоза имени XIX партсъезда. И дядя Алексей ответит не сразу. Он долго крахает, поводит сутулыми плечами, будто рубашка мешала ему, отворачивался в сторону.

— Допроси ты другого кто-нибудь, — отнекивался дядя Алексей — Мунчельский это вопро!

И лишь это, широкое, с крупными чертами, напряженное, потемнело. Я не отставал. Наконец дядя Алексей захохотал, решительно и в последний раз крикнул и положи своею большую, грабастую руку на колесо.

— Ну, давай! — саялся дядя Алексей. — Слушай, может, и пригодится... Взять нашу деревню Малый Перелаз. Большой она не была, а всякий о ней помнит: стола в салах, постройка строгая, добротная. И, ахметь, расстроилась в полтора года так, будто ее Гитлер разбомбил! Осталось девять дворов... Конечно, тогда председателем колхоза был пшынца, за справку на выезд брал недорого — пол-литра за все, и не обманывал, бумагу выдавал безоговорочно тут же. Таким манером выдал он за полтора года до сотни справок, всю нашу деревню-красу расштетившая: уехал народ кто куда... Вот и весь вопрос!

— Да не может быть! — не поверилась мне. — Нет, говорю точно, — зло подтвердил дядя Алексей.

Тогда я не выдержал и сказал:

— Какой же выдержал человек был ваш председатель!

— Председатель? — удивленно переспросил

¹ Ершовский район, Саратовской области.

дядя Алексей. — Нет, зачем же?.. Человек он ничего, сейчас бригадиром работает, только в другую деревню перешел от стада.

И дядя Алексей заговорил рассудительно: — Видишь ли, дело тут такое: не давай он справок, все равно уехали бы. Ночами уезжал народ без справок. Перестала тогда держать колхозника земля. Это, брат, легко только сказать, а пережить... Не привели бы в другой раз.

Деревня Малый Перелаз еще не совсем оправдалась после крашмеллеванья, но подыалась замето: аккуратным рядом стоят новые дворы, в порядках улицы видны стены строящихся других дворов.

Вместе с другими строится — перестраивает дом и весь двор — известная в колхозе семья Каплиных, старожилов Малого Перелазы. В этой семье одиннадцать человек: два сына женаты, старший — уже отец, а никто не уходит со двора и не хочет уходить. Других Каплиных, трудолюбивых и почтенных за это всеми. Они так и решили — жить вместе. Глава семьи Александр Иванович Каплин дедет не вояка, оттого семья становится все младше и бо- лее гуще. По этой семье, по ее удачливости можно проследить возрождение самой деревни Малый Перелаз: растут семьи, набирают силы; растут и густеют хлеба, окружающая деревню, — вот поэтому исчезают пустыри в деревне.

Старший сын Каплина, Анатолий, сказал так: — Большой перелом произошел, большой! Теперь можно сказать: настоящие мы хозяева земли!

Капиталы у колхозов и средства у колхозников не велики: оба колхоза-соседа далеко не миллионеры, а трудолеты у них пока что копейный — а Добых их составил в прошлом году всего 77 копеек. Но вот «странности»: бывали годы, когда трудолеты у этих колхозов поднимались значительно выше вышесказанного, но тогда люди не строились, напротив, в деревнях все больше появлялись пустыри! Не ясно ли, что здесь действует наряду с материальной еще и другая сила? Анатолий Каплин прав: бурное строительство в деревне — это наглядный и неопровержимый результат демократизации общественной жизни. С такой положительной чудотворственной советской демократией вдохнула в деревенское житье-бытье новые мироощущения, аскрилла трудовые будни. И совсем по-иному показалась людям жизнь, повернувшаяся к ним светлой стороной.

И какая же широта-глубота оказалась при этом!

Коммунисты колхоза имени XIX партсъезда вместе с колхозным активом, с помощью работников МТС занялись за разработку дополнений к уставу своего колхоза. Ими руководил именно этот новый мироощущения, которые нетрудно было заметить и у простых колхозников. И вот каким оказался проект дополнений: устанавливаются ежегодные трудовые отпуски колхозникам с оплатой в средних трудовых; вводится оплата больших листов; начинается пенсия престарелым и нетрудоспособным; создается фонд для посылок колхозников в дома отдыха и для лечения

в санатории и на курорты.

Новишества знаменательные.

Обучение истине жизни у рабочего класса, стремление подражать рабочему классу в труде и в общественной жизни, как всегда, привнесло колхозному крестьянству прямо-таки исторические плоды. И счастье колхозного крестьянства состоит как раз в том, что оно решило учиться жизни именно у советского социалистического рабочего класса.

Итак, великое обучение идет чудесно. Колхоз имени XIX партсъезда первым среди соседней авел еженежесичную выдучу колхозникам денежного и натурального аванса на трудодни. Тут же отделились его сосед — колхоз имени Сталина — и тоже перешел на еженежесичную оплату. Дядя Алексей — хотел он того или не хотел, но стал своим информатором и просветителем —

— Аванс получаю я теперь в конце каждого месяца два рубля деньгами и четыреста граммов хлебом-зерном за каждый трудодень. И, брат, словно сразу на ноги встал, аравало Коченю, до города нам еще далеко, а поманденьку к его укладу поднимаемся. Это хорошо, брат!

Видел я, какое волнение овладело колхозниками, когда зачитывали на собрании проект дополнений к уставу. Сельские люди услышали о пенсиях, о ежегодных оплачиваемых отпусках, о домах отдыха и курортах, об оплате больших листов — услышали обо всем этом, как о своем собственном бытии! Молодые и старые, юности и девушки — все прыгали; ловили каждое слово, затаили дыхание; зурные крестьянские лица заливались по краской, то бледнели. Одна женщина шепнула другой: «Неужели это у нас будет?» Та отвечала: «Будет!»

А дядя Алексей гулял мне ужо: — Чувствую? Отпуск, курорт, пенсия!.. Вот он какой, советский мужик, — показал себам.

Дополнения к уставу еще не затвержены, не узаконены, и коммунисты колхоза с этим не торопились: пусть ходит среди людей разговор, пусть свободные обсуждения, ничем не стесняемая критика — чем больше, тем лучше. А сосед — парторганизация там не столь подаякина и страдает выслушно — перекачаты этот проект дополнений и начал к ним примериваться в правлении и бригадах, в семьях колхозников обсуждают, что подходить в проекте, а что нет.

Законы колхозной жизни, новые законы по-являются из глубины масс, из народной гущи. Безспорно, быть этим законам — истинными! У них неиссякаемый, животный источник: социалистический труд — высокопроизводительный, оснащенный техникой и знаниями, озаренный наукой.

И вот как думают коммунисты колхоза имени XIX партсъезда обеспечить жизнеспособность новых законов: проект дополнений предусматривает повышенный минимум трудодней, суровую ответственность за невыход на работу; тем более он карнет за отказ от работы; все семьи отговариваются от ухода с работы на один месяц всех услуг колхоза и, кроме того, возмещает колхозу ущерб, нанесенный невыходом на работу; последняя мера — исключение из колхоза.

Вдумчиво, с государ-

ственным талантом составлен проект дополнений. Подсчитано: материальная база колхоза не только не уменьшится в связи с расходом на оплату отпусков, больших листов, путевок в дома отдыха и на курорты и на оплату пенсий, а напротив, материальная база возрастет.

Дядя Алексей смеется: — Во, брат! Замечашь, как он, коммунизм, проглядывает?

Из деревни в деревню идет слух: там-то уже намелили дополнения, а там-то намечают, а у тех-то еще и не думают, ждут.

А зачем ждать? Говорят, что ожидание готовых проектов санкционировано и даже рекомендовано райкомом партии. Чего-то райком опасается, чего-то боится. А напрасно! Народной инициативы не надо бояться.

Партийный разум не ошибается. А если сдерживать его, пытаться применить к нему шаблон, то, действительно, он откажет, ибо никак не захочет укладываться в том шаблоне.

Дядя Алексей армянскими криклив — от пополнения серва. Многие его не любят — за прямое и резкое слово. А он мало обращает на то внимания.

— Мне что? — говорит он. — Я простой человек — возник, колхозник рядовой. Колхозу хорошо — и мне хорошо; колхозу плохо — и мне плохо... Вот тут и весь мой характер. Я, брат, сердцем чувствую, куда дело идет! Бухгалтерия, скажем, только еще начала историю подбивать, еще ничего не видит, а предатель обманывает только через месяц — два, да и то поправится, а мне уже все ясно, а знаю — ошибусь не назмного.

— Все-таки, — говорю я ему, — следует основательно разозраться, во-время ли вводить в колхозе отпуска, пенсия и другие «городские новишества», что проектирует колхозная парторганизация.

Дядя Алексей сердится, кричит раздраженно: — Тебе твержу: во-время, в аккурат! Коммунисты — умнички! И ты только глянь кругом, примотришься: она, эта жизнь, сама так и гудит со всех сторон, так и поднимается, как тесто в кашине.

— Дело в производительности труда, — возражаю я. — Позволяет ли уровень производительности труда или не позволяет.

— Позволяет! А не веришь, возьми трудодни в колхозе — убедись.

Цифры одного и другого колхоза у меня под рукой, и они примерно одинаковы. Но средняя выработка трудодней на каждого трудодней по колхозу имени XIX партсъезда все же более типична, нежели у соседа. Она такова:

	Мужчины	Женщины
1951 г. трудодней	610	340
1954 г. »	718	380
1955 г. »	738	440

При этом надо учесть, что каждый год норм выработки повышались, а в прошлом, 1955 году они повысились особенно круто.

XIX партсъезда площади ее уменьшили в два с половиной раза, в колхозе имени Сталина — в три, у других колхозов — в четыре и пять раз. Вытесняется и заменяется твердая пшеница мягкой.

Почему? В чем дело?

— И государство ведь поощряет твердую пшеничку! — вспоминала дядя Алексей. — Да, цены на нее по обязательным поставкам и до хлебопашку выше, чем цены на мягкую пшеницу. И все же «эволюция» царшей все меньше и меньше отводит места на полях ее колхозы. Да, она хлопотна, она требует тщательной земель, урожайности, чем мягкая пшеница. Так она же природа. Далее, твердая пшеница требует, чтобы ей предшествовал житняк, а житняк распахали все написто, словно проща по Заволжью житняковая смерть.

И никто не заступился за твердую пшеницу, замечательное звание чуть ли не двухсот-летнего труда русского крестьянина! Неужели Советская страна так и уступит свое почетное место на мировом рынке? Неужели советскому народу не нужна превосходная, непреодолимая, хлебопашечная и питательных качества пшеница? Неужели!

Государство рекомендовало колхозам распашать непроизводительные и малопроизводительные многолетние травы. А тут распашали их все и, уничтожив житняк, получили допустимые почвкам и сорнякам, погнувшись твердую пшеницу проч с поля. Это ли передовое хозяйство? Распахали великолепные житники даже вне поля севооборота, и теперь негде пасти кула и проса, последние отходы не для корма скоту... История незавидная... И все это делается под флагом передового земледелия.

Сама жизнь требует защитить твердую пшеницу — осязать для нее условия, поощрять ее. Бессспорно, и прежде всего на месте, в колхозе должно быть восстановлено доброе отношение к «эволюции» царшей, да и государственные цены на нее надо выработать более адекватно.

Твердая пшеница — богатство и благо народа.

Не то сухой, так только попустушишь по сердцу, не то вскрываешься дна взбурлажила много толкователя колхозной жизни дядя Алексей, и он даже сам пришел ко мне и долго сидел на завалинке дачи, дожидаясь меня. Я ходил в другое село, вернулся только к вечеру.

— Все ходишь? — спросил дядя Алексей серьезно.

— Дожу.

С вот оно, слышь, виднее, чем с машини, — заметил дядя Алексей. — Одобряю. — Затем опять спросил: — И на помонах!

был и вонду пил?

— Был и выпивал.

— Также одобряю. Гуашуться этим не след. Через некоторое время он спросил:

— Насчет трудоспособных шифру ты взял? А ну прочитай.

Я прочитал табличку о количестве трудоспособных в колхозе имени XIX партсъезда. Их значилось:

1951 г. — 249

1954 г. — 265

1955 г. — 330

— А почему такой рост? — допрашивала меня дядя Алексей и тут же отвечал: — Потому, что стало все видно: хозяйничать можно и вперед идти можно вперед. Вот теперь, мы слышны ссоримся — истинно! По-настоящему себя чувствуешь, сразу ты весь как на пову встал и поворачивать жизнь можешь куда лучше.

Догоно он говорил о том, как за один год удвоилось хозяйство, а за второй уже пошло вперед.

— Но опять же, — перешел дядя Алексей к другому, — старинка еще осталась: командует район безбожно. Правда, не всегда и не так, как было, а нет-нет, да и повадит к старину. Какой-нибудь начальник влетает, как сучкой, никакого уговору. И заставит сделать то, что и во сне не думал делать. Так с уничто-

жением житняка получилось: приказывает одно — распахивай до последнего, никакой! Уже и кургуза себе место нашло, уже ее и полюбил, и охаживает старательно, и клин ее большой. Нет, сокруши им житника, да и только, хоть будь эти житники золотые! Правда, сейчас немного приутихла. Да и сокрушила уже немало.

А с раздельной уборкой в прошлом году получилось просто бесподобно. Вынудороз не было, а хлеба уже готовы, жаут. Убогатые не ведают — вот придут вынудорозы, положите хлеб, уже осыпался, тогда те махивши приходят. И тогда начали хлеба валить в вал, а потом подбирать в молотобу. Страшная была картина! Казалось, что кто-то нарочно глумится над человеческим трудом. Громадные были потери от этого. Колхозники не могут установить о том без дрожи в голосе. И никто не был наказан, все «командирам» сошло с рук...

Бок о бок с робостью перед демократизацией общественной жизни деревни живет еще самая настоящая старина, оставшаяся от культуры личности. От этого культура немалое число сельских работников кускам грубости, нестойкого отношения к массам, тяжко отравилось самовольностью и ложным чувством беззаконности. Стремление высугивать перед начальством, выскочить, забежать вперед, чтобы попасть «в число», — как сидны еще эти звыли!

Председатель колхоза имени Сталина наращивал на строительство 75 тысяч рублей из трудовой колхозников без их согласия и разрешения, не сказал ни слова, даже не поинтересившись в этом в конце года. Так и сошло! А колхозники получили денежный трудодень всего 77 копейк.

Существует какое-то роковое заблуждение, будто грубость, бесцеремонность и чуждость этой культуры личности. От этого культура «волевого руководителя». А гуманность относится к слабым сторонам человеческой натуры.

Вот сценка в правлении того же колхоза имени Сталина.

Пришла старушка, сын которой погиб на фронте, а муж умер. Старушка просит помочь поставить вьюк, потому что с старей нельзя жить. Прост и плачет.

— Да что же ты, Пелагея Ивановна, плачешь, ишь, — утешает ее сельский колхозник.

Рада бы, — сетует Пелагея Ивановна, — да ой, слезы-то, сами текут.

Председатель колхоза — тот, что самолично наращивал из трудовой колхозников 75 тысяч рублей, — выслушав Пелагею Ивановну и газом не моргнув.

— А ты инициативу проявляла? — спросил он отчужденно и с неприязнью. — Я за тебя пеняться не стаю!

Старушка смотрит растерянно, недоумоно. А молодой красноречивый председатель хлещет бессмысленными словами:

— Видно, да, проявляй инициативу, осуществи!

Видно, так неминуемо видится и слышится все это, что и вышел вопль... А другой председа-

тель — тот, что дегает на «Победе», как метеор, и покаянно кричит, — требовал закрыть все бани на замок, чтобы люди шли на собрание, а не мыться; дело происходило в субботний вечер, топилась баня, и люди собирались помыться, а некоторые уже мылись. Ребенку было ясно, что время меньше всего подождале для созыма собрания! А когда председатель все же созвал собрание и делал доклад, да даже постороннему человеку было заметно, как он обходит острые места и где попусту утаивает правду...

Конечно, животворящая демократизация советской жизни преодолет все эти последние культы личности, нелюбимую свою печать даже на низовых руководителей. Но нужно больше, гораздо больше упорства со стороны советского руководства в борьбе с этими последствиями упорства в восстановлении ленинских норм...

Женщины жалуются, что отношение к ним в колхозе часто несправедливое, а ко вдовам — просто безлюдное.

— Видно, что живет в Малом Переделе, так и говорит:

— Уж то-то мы терпим: все на нас навалили мужики, а сами в начальниках ходят. А если посчитать, то есть довольно мужиков, что и совсем не помнящих!

Это голос истинно демократических сил колхозной деревни, сид, поднимающихся, замечательно свежих и смелых.

А Людмила Холодова говорит:

— Посмотрите: сплошь все строится. А те завалюшки, что еще стоят, — это злы вдов. Вот бы и помочь им!

Тут мне так и засервало в уши: «И ты проявляй инициативу! Существенный!»

Возможность помочь вдовам строится есть у обоих колхозов. Но еще жива старина, и сильно скажется она на отношениях к женщине. Это порок более серьезный, чем мы об этом привыкли думать. Если проследить, как лугубо отражается он на общественной жизни, на аравах, на представлениях людей и как это понижается, понижается, то не столь безвинными покажутся уродства, которые мы списываем за счет деревни, словно ее обман должны быть заводом антидемократическим, обычными старого крестьянина, в котором дескать, не было мужского духа.

Я подждала дядю Алексея на дороге, чтобы занудиться вместе с ним в деревню. Через некоторое время показался наконец знаменитый рыцарь дядя Алексей — громадина, в которой уживались сразу человек пятидесятка. Занудил в пыльном дожде, рыцари медленно подмалывались вперед. Было в нем нарду полно, и все — девушки; дядя Алексей вел их к плантации в село и был единственным мужичиной среди них, возмывшая на своем кукумерском месте. Девушки сидели в сарае дядя Алексей в четыре ряда — тринадцать, устали, но неизменно красивы перед дядей Алексеем. А дядя Алексей в своей роли казался заботливым, замечательным человеком. Но вот он подмалывал ко мне и, оставив лошадей, пошел ко мне и вручил мне дождь, рыцари медленно подмалывались вперед. Было в нем нарду полно, и все — девушки; дядя Алексей вел их к плантации в село и был единственным мужичиной среди них, возмывшая на своем кукумерском месте. Девушки сидели в сарае дядя Алексей в четыре ряда — тринадцать, устали, но неизменно красивы перед дядей Алексеем.

А дядя Алексей в своей роли казался заботливым, замечательным человеком. Но вот он подмалывал ко мне и, оставив лошадей, пошел ко мне и вручил мне дождь, рыцари медленно подмалывались вперед. Было в нем нарду полно, и все — девушки; дядя Алексей вел их к плантации в село и был единственным мужичиной среди них, возмывшая на своем кукумерском месте. Девушки сидели в сарае дядя Алексей в четыре ряда — тринадцать, устали, но неизменно красивы перед дядей Алексеем.

— Что вы, дядя Алексей? — испугался я. — Как можно?

— Чего? Об чем ты? — удивился он. — Эко, нустижи! — и заговорил о другом.

Я только развел руками.

Да, живуча старина...

С глумом идет по полям благодатный дождь.

Хлеба — в водной пыли, густой, прохладной, обнимающей все пространство от горизонта до горизонта. Где-то попрыкивает гром, перебивается, как боковая бочка. Дождь, дождь... Это слово звучит adesso, в Заволжье, по-особому, и сам дождь осебый, и земля берет его по-особому: все тут жалко, зноило, словно охвачено живой страстью.

В такой жизни надо жить смело, сильно, настороженно, потому что такой жизни думать не умеи, что замечали в судьбе Заволжья необыкновенные черты.

Такая жизнь не только пришла, но и развивается, растет, ширится в Заволжье.

с. Верхний Нушум, Саратовская область.

* «Помощь» — строительство крестьянского двора общими силами прижитенных одноклассников — бизнес и родственников.

Комсомолец Иван Сямин — один из лучших матросов рыболовного траулера «А. С. Серфимович», плавающего в водах Баренцева моря. За старательную работу он получил несколько благодарностей. На снимке: матрос Иван Сямин готовит трал к очередной высадке в море.

Фото А. Становица.

Высоко подняв головы, осторожно приближаются к водопою два елени.

В «ТИПРОВОЙ БААКЕ»

Текст и фото В. ГИПЕНРЕЙТЕРА.

Этот заповедник находится в устье Вахша — одной из крупных рек Таджикистана. Чтобы добраться до него, надо из Сталинбада поехать на юг сначала на автобусе, а потом проделать сорок километров на лошади по едва заметной дороге, пролегающей среди песчаных барханов и солончаков.

Заповедник начинается сразу после первого кордона. Какой здесь своеобразный растительный мир! Тут можно увидеть все, что составляет тугай, чем примечательны поймы среднеазиатских рек: тугайный тополь — турангу — приземистый, узловатый, густоватый сорочин нашего обыкновенного тополя; джиду, или лох, — колючее дерево с серебристыми листочками и мушкетистым плодами, которыми лакомятся фазаны, лисы, барсуки и шакалы. Низины сплошь заросли тростником, ку-

старником и травой. Часто попадаются гребенчук, кандырь, каламусный, или сахарный, тростник, а ближе к воде — рогуз, куз и другие болотные растения. Вдаль, возвышаясь над поймой, синеют горы...

Центральный кордон расположен на берегу озера. Я еду на лодке, гребя одним только кормовым веслом. Плывут назад пучки тростника, сложенные ветки, кусочки коры. Неожиданный всплеск воды. Оборачиваюсь и вижу плывущего недалеко зверька. Это нутрия.

Ценный пушной зверек завезен сюда в 1949 году из Азербайджана. Он здесь акклиматизировался. Нутрии роют в крутых берегах норы, копают из одних водоемов в другие. Теперь они встречаются повсюду. Если погнаться за нутрией на лодке, она тотчас же нырнет и, ловко обманув пресле-

дователя, выплывает совсем не там, где он рассчитывал наступить ее.

Как только зверек вылезает из озера, он сразу же приступает к туалету — тщательно стряхивает с себя воду и начиняет выводить красоту, видимо, считая себя неотразимым в своем буром меховом наряде.

...Солнце уходит за горы. Быстро наступают сумерки. И вдруг — именно вдруг — с разных сторон раздаются жалобные шакальи голоса: вау-у... оу-у... у-у!.. Я-о-уу... ах-ах-ах!.. Каждый выводит что-нибудь свое. Концерт обрывается так же неожиданно, как и начался. От этого тишина ночи становится еще напряженной. Иногда шакалы собираются словно для переключки — пелескают, поют и расходятся на охоту... Едят они все: ягоды и злавы, лягушек и насекомых, рыбу и падали, но все же предпочитают самое мясо. Шакалы уничтожают массу дичи. От них страдают зайцы, птицы. Поэтому охота на шакалов разрешена круглый год. Хищники не боятся даже близко подходить к человеческому жилью, но при этом они умело обходят ловузы

Всплеск воды — и на поверхности озера показался небольшой зверек. Это нутрия.

ки, капканы и избегают случайных встреч с человеком.

«Ка-та... Га-га-га...»

«Это летят гуси. В заповеднике они задерживаются недолго. Их стройный косяк быстро пересекает закатное небо и растворяется в сумерках. С шумом и свистом садятся на воду стаи чирков, нырковых и краковых уток. Пройдет всего несколько дней, и уже не увидишь их в этих местах.

Наступает утро. Со всех сторон доносятся голоса фазанов, напоминающие крики домашних петухов. Фазан принадлежит к куриному племени, но попробуйте подражаться к нему у него замечательное зрение и очень острый слух. Вот совсем рядом с полянкой раздается фазаний крик. Спешу туда, чтобы заставить петуха взлететь. Но не тут-то было! Оглядываюсь по сторонам в ожидании привычного шума крыльев, а фазан взлетел уже совсем с другой стороны. Теперь шши ветра в поле!»

рожню приближаются к водопое два самца...

В один из дней я спросил у охвездника, каких зверей в заповеднике больше всего. «Дикобраз», — ответил он.

Сперва я, было, не поверил, но скоро мне пришлось убедиться в правоте охвездника.

Дикобраз ведет ночной образ жизни. Днем он прячется в норках или в сплошных зарослях, так что при солнечном свете его и не найти. Однажды лунной ночью я набрал на след. На влажной земле виднелись отпечатки лап, такие, как будто здесь прошел маленький медвежонок. Но самого дикобраза мне так и не довелось увидеть.

В заповеднике водятся и камышовый кот. Его шерсть по окраске напоминает цветущую растительность. Иногда она бывает бледножелтого и яркооранжевого цвета. Камышовый кот очень подвижен и ловок. Он слышно

Неожиданно из глубины выплыл сом...

Самые интересные обитатели заповедника — хангулы, тугайные олени. «Тигровая балка» — единственное место в СССР, где они живут. Красивое животное! По внешнему виду и размерам хангул напоминает марала, только он извощен. Пребывание в заповеднике сделало этих животных доверчивыми. В течение дня в тугаях можно встретить не только отдельные олени, но и целые стада. И всегда неожиданно. Иногда даже встречаешься взглядом с их выразительными, осторожными глазами. Но сфотографировать хангулов трудно, ибо они мгновенно исчезают, а на открытые места выходят только в сумерки или ночью. А так хотелось запечатлеть их на фотопленке!

В конце концов мне это удалось. Однажды сижу я у водопоя и наблюдаю, как рушится подмытый Вахшем берег. С грохотом валяются глыбы земли в воду цвета какао. Садится солнце... И вдруг слышу характерный шорох среди прибрежных кустов. Олени! Высоко подняв красивые головы, осно-

подкрадывается даже к фазанам и способен мощным прыжком достигнуть влетающей птицы. Этот красивый, но опасный зверь является грозой всего животного в заповеднике, и потому он обывален «вне закона».

В зарослях тугая.

Этот красивый, но опасный зверь — гроза всего животного в заповеднике.

Как-то рано утром мне довелось увидеть интересную птичку. Яркая сине-зеленая спинка, красно-бурый грудь, короткий хвост и не в меру большой клюв выделяли эту симпатичную птичку среди других ее сородичей. Пернатая певунья то и дело наклоняла свою изящную голову в разные стороны, в зависимости от высоты взлетающего звука. Но вот певуня обрвалась, и птичка стремглаво плюхнулась в воду. Спустя несколько секунд она уже снова

сидела на сучке, и в клюве у нее трепетала серебристая рыбка... Это зимородок. Плавать он не умеет, а рыбу ловит ловко.

Неожиданно что-то грохнуло, по воде пробежали большие хрустальные круги, зашлепали стебли камыша. И снова воцарилась напряженная тишина. Это из глубины озера выплыл сом. Дельфин водится совсем более чем в сто килограммов. Вот так рыбный!

В тех уголках заповедника, которые примыкают к пескам, прекрасно чувствуют себя дикобразы. В заповеднике много зайцев, попадаются и кабаньи. Иногда встречается выдра, и совсем редко заповедник посещают тигры. Раньше они приходили сюда из Афганистана, переплывая Памил и надолго задерживались в низовьях Вахша. Вот почему вся эта местность носит такое странное название — «Тигровая балка».

В 1938 году «Тигровая балка» была объявлена государственным заповедником. Это сделано для того, чтобы сохранить наиболее типичный ландшафт тугаяв и животный мир, населяющий их. В заповеднике ведут наблюдения и исследования сотрудники Таджикской академии наук. Нередко сюда приезжают на практику студенты — зоологи и ботаники.

КУМУД КУМАР ГКОШ,
магистр искусств

ПЕВЕЦ ВЕЧНОЙ МОЛОДОСТИ

К 1500-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЕЛИКОГО ИНДИЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ И ДРАМАТУРГА КАЛИДАСЫ

Очень трудно написать живой, достоверный рассказ о жизни и творчестве Калидасы в наши дни, когда санскритский язык утратил свое значение даже в Индии — родине санскритской литературы. Тем не менее влияние санскритской эпохи и ее традиции, берущие свое начало от великих культурных творений Калидасы, еще и сегодня продолжают будоражить кровь писателей как в Индии, так и за ее пределами.

Неоспорим тот факт, что ценнейший вклад поэта в сокровищницу нашей отечественной культуры, в частности в драматургию, оказал решающее воздействие на развитие всей современной индийской литературы.

Калидаса писал свои произведения в начале V века нашей эры, в период, когда большая часть территории Индии входила в состав империи Гупта, когда в стране, забывшейшей об чужеземце, были восстановлены мир и порядок и создались благоприятные условия для развития экономики и невиданного расцвета культуры.

Проникнувший Индию и вознесший санскритскую литературу до ее блистательного триумфа, Калидаса был пламенным патриотом, вдохновенным гласателем свободоловных устремлений своего народа, его извечных чаяний. Уже в ранних произведениях Калидасы мы находим эти отличительные черты его творчества. Правда, порой в них еще преобладают мотивы искрометного веселья, немудрой радости, присущей кипучей юношеской натуре. Но с годами поэт вступает в пору человеческой зрелости, и его начинают тревожить другие мысли, его обурывают новые идеи, более значительные и глубокие.

В юношеские годы Калидасой было создано, например, такое произведение, как «Ритумбахара». В этих стихах смена времен года ождается с переменами, происходящими в человеческой жизни. Весна, лето, осень, зима — каждое из времен года приносит с собой новые надежды.

Поэт прекрасно изобразил, как меняется «изобретенная» природа на протяжении года, образно сравнил эти перемены с настроением людей. Невмогут человеку летние знойные дни, но тем более восхитительными кажутся ему летние ночи, когда так ярко светит луна и земля облетя приятной прохладой. В такие ночи молодые люди, наслаждаясь природой, поют и танцуют. Глядя на эту ликующую юность, луна становится ее ревнивой опекушей и печально удаляется, чтобы вскоре раствориться в сиянии утренней зари. Ночь умирает, когда рождается день, и тогда луну сметает солнце.

За летом наступает осень, похожая на юную невесту в роскошном наряде цвета спелого риса, зеленого цвета на полях, украшенная великими лепестками лотоса, отражающими в воде. За осенью следует зима, наполняющая сердца влюбленных трепетным ожиданием весны, которая придет как предвестница новой жизни и радости, прогнав прочь холодное, тугостное упышное зима.

Так образно выражены идеи вечного обнов-

ления природы и неуязвимой молодости мира в «Ритумбахаре», в стихах, которые пленяют своей мелодичностью, богатством мыслей и глубиной чувств. Веселье и счастье, равно как и печаль, — незаменимые спутники человеческой жизни. Но никакие испытания не должны ослабить веру человека в лучшее будущее. Чудесным, обаяющим языком увековечил Калидаса эти свои оптимистические взгляды на жизнь.

Нередко Калидаса с такой страстью и открытоностью выражал в своих стихах бьющее молодостью чувство, что в позднейшие века критики считали эти произведения довольно ранней юности поэта. Но объясняется это совсем другим, и прежде всего огромной любовью поэта к природе, к человеку, к его земной, непривращенной сущности. И не потому ли так искренне и молодо звучит в творениях Калидасы волшебная мелодия жизни!

Произведения, созданные Калидасой в более позднее время, еще совершеннее. Искусство достигает в них очарования, способного далеко завлечь человеческим разумом. Такова, например, лирическая поэма «Мегахадута» («Облако-вестник»), сюжет которой позаимствован поэтом из знаменитого произведения древнеиндийского эпоса «Рамаяна».

Рамы глубоко переживает утрату своей жены Ситы. Ее похитил Рavana — повелитель демонов, населяющих остров Ланка. Страдания Рамы, его безысходная печаль описаны с такой впечатляющей силой, словно это было пережито и пронувствовано самим Калидасой. Неизгладимое впечатление производит также

Пришла пора дождей.
И девушка в своем наряде лучшим
Возлюбленного идет...

описание душевных мук другого героя поэмы, томимого в изгнании. Он обращается с мольбой к пылушему в небе облаку и просит передать восточку любимой жене, восточку неугасимой любви. С такой же мольбой он обращается к стае лебедей, чей путь тоже лежит через вьючащиеся вершины Гималаев, к озеру Мансароуру.

Широкой известностью пользуется в народе знаменитое творение Калидасы «Кумарасамбхава». Это произведение превосходит «Мегахадуту» тем, что в нем более широк и разнообразен внутренний мир героев. Здесь блистательная фантазия гармонично сочетается с проник-

Иллюстрации к произведениям Калидасы индийского художника Абаниндрата Тагора.

Цветы весны благоухают
Волшебным ароматом жизни.

Для влюбленных сердец
Нет приятнее музыки лета.

На выкладке. Молодые солисты Государственного академического Большого театра оперы балета СССР Марина Кошаркина и Борис Хохлов в балете «Спящая красавица». Фото Е. Умнова.

новенными гуманистическими идеями. Поэма написана с такой трогательной теплотой, с таким мастерством, на какие только может быть способен человеческий разум. Она овеяна чарующим дыханием веселья и романтической восторженной супружеской любви и верности до последнего выдоха. Поэма звучит как вдохновенный гимн никогда не умирающей любви. Калидаса нарисовал волнующую картину чело-

Как много чувства и дум
В нас будет осень».

веческой жизни от рождения до смерти, воспеяв в этой поэме лучезарную вечную юность мира.

Говоря о поэзии Калидасы, нельзя не назвать такое его прославленное произведение, как поэма «Рагухуваса» — «Род Рагуху». Этот

литературный шедевр по достоинству может оценить лишь человек, хорошо знакомый с жемчужиной индийского эпоса «Рамаяна».

Калидаса велик и как драматург. Тот, кто наслаждался чтением «Сакунталь», легко мог убедиться в том, каким громадным талантом обладал ее автор, сумевший описать с такими тончайшими оттенками чувство нежной любви и вложить в картины реальной жизни столько светлой поэзии.

Гуманизм философских взглядов Калидасы полностью соответствует духу его творений: человек должен сделать все от него зависящее, чтобы никогда не ронять своего достоинства, в любых сферах жизни и деятельности он обязан оправдать свое высокое назначение. В поэмах и драмах Калидасы нет ничего лишнего или искусственного, в них бьется живая жизнь во всех ее проявлениях — простая и возвышенная, суровая и нежная. Каждый человек — будь то мужчина или женщина — должен быть открыт каким-нибудь высоким идеалом, чтобы с высоты своей мечты лучше разглядеть причудливую игру жизни. Примером такого вдохновенного азарта может служить творчество Калидасы, который сумел озарить беспоконную земную жизнь, полную забот и тревожений, волшебным светом своей поэтической мечты. Такого великого поэта образно можно сравнить с прекрасным цветком, разросшимся на благодатнейшей почве. И если еще в начале V столетия наша страна подарила миру такого солнечного гения, то ветрудо представить себе, какой высокой культуры достигла Индия еще в те далекие времена.

Калидаса — поэт интернациональный, почитаемый всеми народами. Несмотря на решение Всемирного Совета Мира дату его рождения отмечает все прогрессивное человечество. Особено широко она будет отмечена в Советском Союзе, где так много сделано в области изучения и понимания индийской литературы.

Нью-Дели,
Индия.

Авторизованный перевод
Б. ЭПЛЬФЕЛЬДА.

Десять лет издательства «Нойес Лебен»

Исполнилось 10 лет издательства Центрального Совета Союза свободной немецкой молодежи «Нойес Лебен» («Новая жизнь»). Миллионы замечательных книг, выпущенные знамя издательством, помогают молодому поколению Германии формировать свое сознание, строить свою жизнь и жизнь страны на социалистических началах, в духе мира и демократии. Среди тысяч книг, выпущенных издательством, любимыми книгами немецкой молодежи стали многие романы и повести советских писателей. Произведение Н. Островского «Как закалялась сталь», например, выдержало уже шесть изданий.

Славный юбилей издательства «Нойес Лебен» был отмечен в Берлине торжественным собранием, на котором с приветствиями выступили представители ЦК Социалистической единой партии Германии, ЦК ВЛКСМ и стран народной демократии.

Секретарь Центрального Совета Союза свободной немецкой молодежи Карл Намокель, давший высокую оценку деятельности «Нойес Лебен», вручил издательству Почетный знак, который Центральный Совет Союза свободной немецкой молодежи являет как высшую награду за выдающиеся успехи в борьбе за счастливое будущее немецкой молодежи.

В дни юбилея «Нойес Лебен» в Берлине состоялось совещание представителей молодежных издательств Советского Союза, Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Венгрии и Албании, на котором были обсуждены вопросы дальнейшего укрепления и развития дружественных связей между молодежными издательствами. Выказано пожелание о рекомендациях друг другу лучших книг для издания. Внесено интересное предложение о создании силами всех стран энциклопедии для молодежи.

На страницах журнала «Смена» в 1957 году будет печататься одна из приключенческих повестей, изданных «Нойес Лебен».

На с. н. и. к. Секретарь Центрального Совета Союза свободной немецкой молодежи Карл Намокель вручает директору издательства «Нойес Лебен» Бруно Петерсону почетную награду за выдающиеся успехи в борьбе за счастливое будущее немецкой молодежи.

Московские школьницы охотно посещают конструкторские кружки при Центральном доме детей железнодорожников. Здесь они строят действующие модели электровозов, макеты мостов и туннелей. Валерий Гусев, Игорь Денин, Геня Крылов и Костя Щедрин решают и VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов сделать манет электрифицированной железной дороги. На с. н. и. к. юные техники за работой.

Ночной пейзаж. Крематорий.
Рисунок М. Хайпаньской.

Над Освенцимом раскинулось серое, безжизненное небо. Ни облака синевы, ни легкого белого облачка, что напоминало бы родную,— все затнута плотная пелена дыма.

У входа в женский лагерь, на «штрафной» площадке, где эсэсовцы обычно выставляли провинившихся заключенных, русская девушка Ира. Ее наказали за то, что не выдержала выносливости, она ударила «капо» — надсмотрщицу на уголовников. Девушку жестоко избили, ее шатало от усталости и голода, но она старалась держаться прямо. Ею владела одна мысль: лишь бы устоять на ногах, не раскатыться. Пусть гитлеровцы знают, что русские, советские люди не падают духом! Потом, в бараче, она, возможно, не слышит сна, но это увидят только подруги...

Московские студентки-комсомолки Ира Ивановская, Женя Сарычева и Виктория Никитина в 1942 году добровольно пошли на фронт. Они стали парашютистками. Но воевать им пришлось совсем недолго. Выполнив в тылу противника заданье командования, девушки попали в плен...

Началось то, чего они меньше всего ожидали, что видели прежде только в кино. Торжмы, допросы, аресты, слезы... Не верилось, что все это происходит наяву, что немцы усиленно воли заставить себя проснуться и снова очутиться среди боевых товарищей. Девушкам было очень тяжело и обидно, что они не успели нанести урона врагу. В бою погибла двоюродная сестра Женя — Тая, служившая с ней в одной части. Женя поклялась отомстить. А теперь...

Вскоре пленных увезли в Германию и заставили работать на фабрике в Мюльхаузене. Это было изнурительной, подпольной труд. Смена продолжалась до пятидесяти часов, кормили похлебкой из черниной канюпы. Девушки сговорились с другими пленницами и прекратили работу. В нескончаемых прыжках гнали моторов. После этого подруг вызвали в госпиталь и на фабрику они больше не вернулись. Снова за ними

захлопнулась дверь каземата. Но подруги уже чувствовали себя иначе: ведь им удалось одержать первую, пусть маленькую, победу над врагом!

В эфзурфской тюрьме девушки отраздвалили день рождения Виктории, которой исполнилось девятнадцать лет. В тот день она получила дорогой подарок — буханку хлеба, которую подруги сами голодая, сэкономили для нее. Вечером они пели песни. Снизу кто-то начал стучать. Но девушки еще были исполнены им арестантками, чтобы понять этот стук. Потом их перевели в Брауншвейг, а затем...

Перед мной маленькая тетрадка — воспоминания Евгении Сарычевой. Она пишет: «...1943 год. Апрель. Ночь. Нас привезли на станцию Лувишч — так гитлеровцы называли польский город Освенцим. Тогда это название нам еще ничего не говорило. Со станции нас повели по раскисшей дороге в сторону от города. С нами вместе поляки, чешки, украинцы. Мы идем навстречу пунктиру огней, навстречу неизвестности. Колонны обгоняют грузовики, вежущие стариков, женщин и детей. Ноги вязнут в глине. Комвоиры подгоняют плетнями отстающих. Идти трудно, и мы взвздываем слухами на машинах».

Под резкие крики охраны колонна миновала ворота. По бледным, исторженным лицам заскользили отсветы вспыхивающего алгеи пламени. Ударило пахло паленым...

Вновь прибывших загнали в пустой барак. Люди долго не смыкали глаза, стараясь по звукам ночи представить себе облик надвигающего дня. Ветер свистел в колодезь проволоки, стрелял чавканье. Выстрелы хлопнули то отчетливо, близко, то еле слышно, и порой казалось, что лагерь нет конца. На рисовке одна из женщин, загнута в шель между дощек, с ужасом воскликнула: «Смотрите! Трубы!»

Боле баракса в штабелях и просто сваленные в кучу белиды трупы. Около них шныряли крысы. Рядом с поковниками лежали умирающие. «Утром стало известно,— вспоминает Евгения Сарычева,— что люди, которым мы завидовали ночью на дороге, уже сожжены. Запалака наварад девушка-еврейка. Ее привезли в Освенцим вместе с родными, а теперь она узнала, что ей уже нет в живых... Пришли гитлеровцы, построили нас в каждой наколдов на руке номер. Ира — 39652, Виктория — 39653».

Так девушки стали заключенными самой последней группы, уничтоженной на гибель в лагерях уничтожения, — которой гитлеровцы придушили жуткое плавание — «каторжия» — мрак и туман». Фашисты хотели превратить в мрак и туман все человечество. В одном только Освенциме было

уничтожено свыше четырех миллионов человек. Трех огромных крематориев оказалось недостаточно. Людей жгли в гигантских ямах, иногда жгли в огромном живьем. Люди были обречены на быструю смерть: их отправляли со станции прямо в крематорий; других убивали медленно, при помощи электрической, прокулачной системы. Стыкала морально, потом физически. Надпись на воротах Освенцима гласила: «Работа — освобождает». Это была ловка. Командант встречал вновь прибывающих такой речью: «Вы приехали не в саветорий, а концентрационный лагерь, откуда нет иного выхода, кроме трубы крематория. Если это кому-нибудь не нравится, тот может сейчас же броситься на проволоку. Вы приехали сюда для того, чтобы отучиться от патриотизма...»

Первые дни в Освенциме были для torture самых тяжелейших. На каждом шагу угрожалась гибель. Но вскоре им открылся источник той нестойкой последудной силы, которая противостояла здесь гитлеровским методам уничтожения.

Евгения Сарычева пишет: «Через несколько часов к нам пробралась молодая чешка и сообщила, что нас просят пойти отбоя, но есть случаи в лагере обаяю не оставалось надзарывать прийти в барак к старосте госпиталю. Оказывается, так собралось уже много народу — немки, чешки, француженки, поляки. Нас окружили прижизненные лица. Мы говорили на разных языках, но хорошо понимали друг друга. Потом кто-то предложил: «Давайте споем». Начали петь: «По долину и долину вспыхивающего алгеи кричит немым светом». В лагере смерти звучали любимые с детства напевы. Мы среди друзей! Никаким сила нас не сломят! Мы долго пели, лезли на разных языках, но нас объединило одно чувство — любовь к великому Советскому Союзу. Чей-то голос заел: «Вставай, проклятем заклейменным». Лица сделались строго-торжественными. Мы стояли в тесном кругу, вступили руки, на которых четко выступили цифры номеров, но кулаки были крепко сжаты в международном антифашистском приветствии. И мне вольно пришли на память строки Некрасова: «Клефмендай, да не раб!».

Девушки увидели подвижников, которые в тяжелых условиях лагеря продолжали бороться с фашизмом, равнялись на коммунистов — благодарнейшую женщину Франци Мари-Клод Вилан-Куртюрре, Герту Швейлер — ушницу гитлеровцам с 1933 года — и многих других. Здесь, где делалось все, чтобы разобщить заключенных, попавшие в неволю крепили интернациональную солидарность, взаимную помощь. Здесь находились герои-врачи, которые боролись за жизнь своих товарищей. Ира, Женя и Виктория включались в эту борьбу. Они понимали, что только тогда они отыщутся в лагере, когда они спускаются, не падают духом, не погибает зря. Вместе со своими друзьями-заключенными девушки как умели помогали

Молодой судьбы

Виктория Никитина, Женя Сарычева и Ира Ивановская. Снимки 1942 года.

большим, доставали из мужского лагеря лекарства, дружились с лодом, песней поддерживали приунывших, учили новичков, как обращаться надзарывать, чтобы не надарываться на работе.

Тут требовалась большая твердость: ведь они сами не меньше других были голодны, забиты, падали от усталости. Тут требовалось мужество. За малейшее проявление человечности в лагере

платная дорогой шевой. За попытку вынуть сухари для больного извела до полу смерти. За горсть угля, подобранную для того, чтобы обогреть окоченевшего товарища, можно было получить туго. С таким же риском помогали женщинам заключенные мужского лагеря. Много хорошего сделал для них, например, юркий паренек из военнопленных, Петр, по прозвищу «Петя-агу». Он передавал медикаменты в папирсох, «организованные» у фашистов, сообщения с фронта и даже стихи освещенских детей.

Ужасное дело было видеть смерть детей. Девочки опекали их как могли. Добывали какие-то локуты для пеленок, крохи пищи. Год 1944, год 1945... Попрямую гулака проводил, словно как-то было пропущено так высокое напряжение, но в тишине лагерных ночей все настоящие вривались новые звуки. Людей часто будили сарены, но прерывались сигналами воздушной тревоги, то долгим, протяжным воем. Последнее означало, что совершен побег. Приближение фронта вдыхало уныние на отчаяние постоупки. Бежали в одиночку и группами, но редкий счастливый уходил от погони. Лагерь усиленно охранялся. Однако жестокие расправы над пойманными беглецами не обнаруживались следов.

Вместе с пленными югославскими партизанами и наши подруги стали обучать план побега. Начавшая эвакуация заключенных вглубь Германии помогла ему осуществиться. Но бежать удалось только Ире и Жене, Викторю угнали в концлагерь Берген-Бельзен, и она была освобождена поздне.

Такая история трех советских девушек, оказавшихся по ту сторону фронта. Они не форсировали Оэра, но воздужали флага на злании рейхстага. Это сделали другие. Они же были участниками той безымянной обороны без тншей, дотов и орудия, которую занимали советские люди в беспредельной тисе гитлеровского лагеря. Этот последний рубеж проходил через их сердца, верные Родине.

Подруги накопились среда тех, кто противоборствовал смерти в самом ее логове. В этой неизменной по сравнению с великими землями того времени борьбе была своя героика, свои подвиги, которые зачастую оставались неизвест-

ными. Мог ли знать уник, ободренный известием с фронта, что советская девушка Виктория с риском для жизни выходила из барака в зрительный час, чтобы передать маленькую записочку. А она это сделала потому, что чувствовала себя связанной на огромном поле боя, где сражалось с врагом ее поколение... Подряд до конца выполнили долг перед Родиной. Они не отстали от своих сверстников в дни мира: с тысячами студентов вернулись к учебе. Жена окончила авиационный институт, Викториз — педагогический, Ирина — Московский университет.

Инженер Евгения Матвеева Саричева работает сейчас на одном из предприятий Балтийского Вильямовича. Виктория Никитина — в Институте океанологии Академии наук, Ирина Михайловна Харина — сотрудник Государственной научной библиотеки Министрства высшего образования. У нее уже дочь-пионерка и сын.

— Вот вы спрашиваете о пережитом, — сказала мне Ирина Михайловна. — Трудности просто не хочется вспомнить. Ведь главное, чтобы все это не повторилось. Чтобы мы никогда не смотрели с тоской на фотографии своих детей, пропавших без вести, как это довелось нашим матерям... А вот хорошее вспоминается часто.

Помяну задушевные разговоры с Марией Клод. Вдалась я к ней и в Москве, она тогда долго распространялась о Жене, Викториз и других советских девушках, добывавших в лагере. С Гертой Шнейдер встретиться не удалось. Зато в Москве шел фильм об Освенциме — «Последний этап», созданный ею и польским кинорежиссером Вандой Якубовской, тоже бывшей заключенной. Наверно, не одной мне заинтересовался мастерством, украинкой сообщившей мне, что гитлеровская охрана под Сталинградом. Это была первая весточка с Родины — там, на фабрике... Но ярче всего, конечно, запечатлелась в памяти момент выведения Советской Армии в полковую деревню, где мы скрывались после побоя; безусые, мальчишеские лица воинов-освободителей.

Бережно хранит Ирина Михайловна письмо из Праги от Валасты Кладивовой. Оно написано по-русски. Есть там такие проникновенные строки: «Теперь, когда мы

1956 год. Ирина Михайловна Иванниновна-Харина с сыном Володей и дочерью Леной. Фото А. Молдцова.

уже пережили и вернулись домой, вы можете понять, что для нас значила встреча с русскими. Мы видели в нас не просто друзей, там же заключенных, как и мы. Вы были для нас представителями и посетителями всего того, за что мы дома воевали и за что нас заключали...»

Мне удалось разыскать и «Петя-агу» из мужского лагеря, которого подруги помнили добрым словом.

Петр Иванович Мишин в 1940 году окончил Историко-архивный институт и через несколько дней добровольно пошел в армию. Служил в артиллерии. Августовским утром 1941 года Петр был ранен и в тот же день вместе со всем госпиталем, куда его отправили, попал в плен. В октябре он оказался уже в Освенциме. Молодого солдата привезли туда с одной из первых партий советских военнопленных. Гитлеровцы тогда совершенствовали методы массового истребления. Военнопленные служили экспериментальным материалом, на котором проверялось действие отравляющих веществ. У Петра редкий номер — 1848. Из таких «старожил» Освенцима уцелели буквально единицы.

В мужском лагере, так же как и в женском, было немало коммунистов, подвигавших примером солидарности и стойкости. Петр встретился здесь с генералом Карбышевым, впоследствии удостоенным звания Героя Советского Союза. Гитлеровцы отправили этого неистового патриота в лагерь смерти за отказ служить им. В Освенциме его привезли из Майданека совершенно измученным, но он находился в себе силы, чтобы беседовать с заключенными, разъяснять истинный смысл слогов гитлеровского командования. Несколько раз Петр вместе с другими военнопленными уберегал Карбышева от очередной селекции — отбора на уничтожение больных и нетруреспособных.

Из Освенцима Мишина отправили в Бухенвальд. Оттуда в ар-

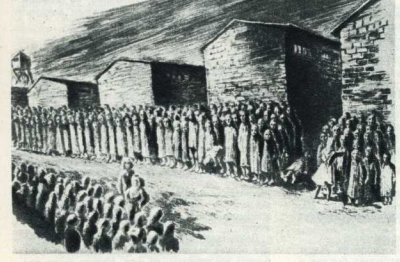
реле 1945 года он бежал, пробрались к своим и затем воевал в войсках Первого Украинского фронта.

Сейчас Петр Иванович — лектор-экскурсовод Московского городского экскурсионного бюро. Он окончил аспирантуру и пишет диссертацию о партизанском движении в годы Великой Отечественной войны. До позднего вечера пробыл я у Мишиных. Супруга Петра Ивановича — Ренекка. Давышкова рассказала мне, что в прошлом году семья отменяла два торжественных события: Сапу приехали в пионериз, Аду — в комсомол. Она с гордостью показвала «Пионерскую правду» с фотографией дочери. Алла сидела со своей школой в колхоз на практику, была бригадиром, добилась хороших результатов в работе.

— Комсомолка... — улыбнулся Петр Иванович. — А помните, когда она родилась, в сорок первом году, а сам был комсомольцем. Жена рассказывала мне зинелю гдето на помозской станции. Мне удалось подержать лачу на руках всего несколько минут... Говорят, — продолжал он, немного помолчал, — в Освенциме сейчас вернутся птицы. Прежде их не было: отпугивали сиротный дым. Там создан музей, куда стекаются паломники со всей Европы. Но не музейной тибиной вест от обветшалых стен баракко. Они напоминают о массовых убийствах, а миллионы жертв фашизма. Они зовут к бдительности, особенно теперь, когда немешких коммунистов снова бросают в тюрьмы бывшие эсэсовцы в форме заморского понора. Так когда-то томные силы начинали рашать дорогу войне. Мы, простые люди, помним об этом. Все народы мира помнят об этом и не допустят, чтобы проиалась крова!

«Народы мира не допустят, чтобы это повторилось!» Теперь часто можно услышать эти слова. Но в устах бывших солдат — уников Освенцима — они звучат особенно весто.

М. ИГНАТОВ

Повенра. Рисунок М. Хини на в а с к о в, польской художницы, бывшей заключенной № 10219 фашистского концлагеря Освенцим.

ВАСИЛИЙ АРДАМАТСКИЙ

РИСА ЛУРЬЕ

ПОВЕСТИ О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ
КАПИТАНА ДЕМЕНТЬЕВА

См. «Смена» №№ 17, 18, 19 и 20.

Последний год войны. В портовый город М., откуда немцы производят эвакуацию своих опущенных дивизий, под видом немецкого офицера Рюкерт сброшен на парашюте советский разведчик капитан Деметьев. Для получения точных сведений о ходе эвакуации Деметьеву необходим доступ на оперативный причал порта. С этой целью он устранился на службу и начальнику отдела по организации гражданской тыла Мельку. «Грэй-монитор» Мелька лихоходно готовит к вывозу из города фонды местной библиотеки и музея. Но после очередной бомбардировки порта советской авиацией Мельк вместе со своим штатом послышно эвакуируется из города. Воспользовавшись бляном и печатю, оставленным Мельком, Деметьев изготовляет для себя фантовый документ согласно которому он якобы является ответственным представителем немецкого командования, обеспечивающего санитарное состояние транспорта, подошедши под погрузку. С этим документом Деметьев начинает действовать. У входа на оперативный причал он задерживает немецкого солдата, позависшего ему бляном.

Вокруг послышался ропот. Кто-то попытался отделиться в сторону склада, которому Деметьев шептал пулю. Но Деметьев впереворот схватил того за руку и обратился к лейтенанту:

— Позовите сюда старшего офицера.

В толпу, окружающую Деметьева, протиснулся офицер с погонами майора.

— Кто случился?

— Посторонний капитан почему-то осматривает наших солдат,— доложил лейтенант.

Майор перевел взгляд на Деметьева.

— Кто вы такой?

— Я санитарный инспектор особого назначения. Есть приказ о том, чтобы на транспортных не оказалось ни одного больного. В Берлине их хватают только эдидем.

— Престыните ваши документы, капитан.— Майор начал снимать перчатку.

Изобразив на лице обиду, Деметьев вынул бумагу и протянул ее майору.

Майор был дальновзорлив и читал документ, держа его на вытянутой руке. Деметьев пристально следил за его лицом, но оно абсолютно ничего не выражало. Прочитав бумагу, он аккуратно сложил ее и вернул Деметьеву.

— Что вы находите у этого солдата?

— Во всяком случае, у него повышенная температура. Остальное необходимо проверить.

— Можете нас мильгують?— Майор княз Деметьева под локоты. Они выбрались из толпы и подошли к самому контрольному пунк-

ту, где их могли слышать только три солдата и лейтенант, охранявшие вход на оперативный причал.— Можете вы выловить моего просью?— сказал майор.— Большой солдат— один из ветеранов нашего полка. Он был со мной еще под Москвой. Оставить сейчас его здесь равносильно предательству. Если вы хоть один день были на фронте, вы обязаны меня познать и сделать то, что я прошу.

— Нет, майор. Я такой же солдат, как и вы, и я выполняю приказ.

— Но, может быть, на транспорте есть санитарный инзюльтор?— не сдавался майор.

Деметьев задумался и сказал:— Этот транспорт и еще не осматривал. Могу вам пообщать только одно: если на нем есть инзюльтор хотя бы на четыре места, вашего солдата я пропущу.

— Когда вы это узнаете?

— Сейчас.

Деметьев направился мимо контрольного поста, однако на его пути встал лейтенант— росовоский конец солдаты глазами. Деметьев заметил в его глазах нерешительность. Но тут неожиданно вмешался майор:

— Что вы делаете, лейтенант! Это санитарный инзюльтор, отвечающий за всю эвакуацию!

— Очень прошу вас, капитан, найдите там, на причале, полковника Кунгеля и представьте ему. Без его разрешения я не имею права...

... Мне нечем представлять полковнику Кунгелю, мы с ним давно знакомы.— вконец не сказал Деметьев и пошел к эвакуационному причалу.

Под погрузку только что был поставлен огромный транспорт «Азията». Матросы торпильно прижалась широкие трапы. Возле транспорта стояла группа офицеров и, помидумо, капитан транспорта— полный мужчина в черном морском кителе.

— Простите, господа офицеры,— Деметьев утихо забрызгал всем,— мне нужен капитан «Азията».

— Я капитан,— произнес человек в черном кителе.

— Вот мой мадаг.

Капитан взял бумагу, прочитал ее и синхродомно унабуждился.

— Что же вы от меня хотите?

— Я должен осмотреть все помещения корабля, которые займут солдаты и офицеры. Главным образом— солдаты.

Зачем это вам, капитан, в разговор полковник с холдовым, чуть одуловатым лицом.

— Вы полковник Кунгель?

— Да, я полковник Кунгель.

— Капитан Рюкерт, санитарный инзюльтор эвакуации. Вот мой документ.

Полковник пренебрежительно отмахнулся от протянутой ему бумаги.

— Хорошо, хорошо... Делайте свое дело, но помните: солдаты простят нам, если мы выведем их отсюда эле в качестве первого класса.

— Но вы, если понимаете, с жаром возразил Деметьев—какую опасность представляет эпидемическое заболевание в условиях...— Делайте свое дело!— раздраженно прервал Деметьева полковник Кунгель и повернулся к капитану «Азията»:— Пусть ему покажут трюм.

Деметьев осматривал трюм в сопровождении молчаливого помощника капитана, который шел позади, хлопая короткой трубой носогоревой и расправляя эдакий дам дешевой табача. Что бы ни говорил Деметьев, помощник капитана молчал. Наконец они поднялись на палубу.

— Когда отходите?— строго спросил Деметьев.

— Должны были в девятнадцать тридцать, но вмешался русский бомбардировщик— медленню, он вынуждал нас труба трубой, прогоревил помощник капитана.— Если не помешает еще, уйдем в двадцать три ноль-ноль. Говорит, есть приказ выводить только в темноту.

— Сколько человек примете на борту?

— Сколько алетет.— Труба захлопала. Деметьеву показалось, что помощник капитана смеется.

— Сегодня уйдут и другие корабли?

— Вряд ли...— Помощник капитана вдруг вырвался из труба трубой и загворил быстро и уверенно:— Хотел бы я видеть дурака, ко-

торый придумал все это! Держат на открытии корабле в страхе перед бомбежкой десетки кораблей в порту, а вы вылавливаете мое просью. Пока мы уйдем, пока прищурятся другой транспорт, пройдет часа три—четыре, а ведь к этому причалу можно поставить сразу пять кораблей. Дураки!— Он сердито воткнул трубку рот и засвистел.

Деметьев расписался в судовом документе и спустился на причал. Полковник Кунгель встретил его насильственным взглядом.

— Ну, как, удалось вам поймав там зарачую блоку?

— Трюм в приличном состоянии,— сухо ответил Деметьев и обратился к капитану «Азията»:— Сделайте все, что возможно, в отношении вентиляции.

— Хорошо,— буркнул капитан и посмотрел на часы.— Пора начинать погрузку.

Кунгель пошел к пропусковому пункту, рядом с ним шагал Деметьев. Полковник, словно извиняясь перед ним, сказал:

— Каждый из нас делает свое дело. Нам нужно только не мешать друг другу.

— Но все-таки следует предусматривать все, что можно предусмотреть, в смысле заботы о сохранности жизни солдат.

— Тогда надо начать с того, что запретить русским солдатам купаться и посматривать на корабли.— Пора начинать погрузку.

— Странно, что фронт не убила в себя педента. Вы понимаете вообще, что происходит?

— Идет война!— бурно произнес Деметьев.

Полковник посмотрел из него, воздухом и больше уже ничего не говорил.

...Войска серо-зеленой ланной ринулись на оперативный причал. Деметьев вместе с полковником Кунгелем стоял у пропускского пункта, а лейтенант мог убедиться, что они действительно вынабуждены.

— Когда будут грузить следующий транспорт?— спросил у Кунгеля Деметьев.

— Не знаю,— сухо обронил полковник,— может быть, ночью.

Нало сообщить ответа капитан «Азията» сказал мне, что организация эвакуации плохая.

— Да?— Полковник потер ладонью пухлую, до блеска вытритую шеку.

— Он сказал, что одновременно можно грузить пять транспортов,— продолжал Деметьев.

— А генерал Троттер считает, что нужно грузить по одному,— с неясной интонацией сказал Кунгель.

Нало сообщить ответа капитан «Азията» сказал мне, что организация эвакуации плохая.

— Да?— Полковник потер ладонью пухлую, до блеска вытритую шеку.

— Он сказал, что одновременно можно грузить пять транспортов,— продолжал Деметьев.

— А генерал Троттер считает, что нужно грузить по одному,— с неясной интонацией сказал Кунгель.

Нало сообщить ответа капитан «Азията» сказал мне, что организация эвакуации плохая.

— Да?— Полковник потер ладонью пухлую, до блеска вытритую шеку.

— Он сказал, что одновременно можно грузить пять транспортов,— продолжал Деметьев.

— А генерал Троттер считает, что нужно грузить по одному,— с неясной интонацией сказал Кунгель.

Нало сообщить ответа капитан «Азията» сказал мне, что организация эвакуации плохая.

— Да?— Полковник потер ладонью пухлую, до блеска вытритую шеку.

— Он сказал, что одновременно можно грузить пять транспортов,— продолжал Деметьев.

— А генерал Троттер считает, что нужно грузить по одному,— с неясной интонацией сказал Кунгель.

Нало сообщить ответа капитан «Азията» сказал мне, что организация эвакуации плохая.

— Да?— Полковник потер ладонью пухлую, до блеска вытритую шеку.

— Он сказал, что одновременно можно грузить пять транспортов,— продолжал Деметьев.

— А генерал Троттер считает, что нужно грузить по одному,— с неясной интонацией сказал Кунгель.

а в случае чего мгновенно принять необходимое решение...

Губокой ноздрой под погрузку стал итальянский транспорт «Венеция». Его черная громада еле виднелась в густой темноте. Ни огонька вокруг: запрещалось даже замечь свичку. Полковник Кунгель был в крайне нервном состоянии. Таким Дементьев его раньше никогда не видел. Он не знал, что произошло здесь, на причале, за полчаса до его появления.

А произошло вот что. Как только «Венеция» пришвартовалась, Кунгель поднялся на капитанский мостик. В это время к кораблю подходили три грузовика, груженные ящиками. Солдаты, прибывшие на грузовиках, немедленно начали таскать ящики на палубу. Помощник капитана попытался их остановить, но тут из темноты вынырнул офицер в кожаном реглане, назвавшийся представителем гестапо Брандтом. Он оттолкнул помощника капитана от трапа и сказал:

— Я действую по приказу рейхсминистра Геммлера. За сопротивление расстрел на месте!

Помощник капитана взбежал на мостик, застал там капитана вместе с полковником Кунгелем и рассказывал им о свичке с представителем гестапо.

— Кроме меня, здесь никто приказывать не может! — возмутился Кунгель и тотчас спустился на причал. Погрузка ящиков продолжалась. Кунгель подошел к солдатам. — Остановить погрузку! — крикнул он, и в ту же секунду перед ним возник Брандт. — С кем имею честь? спросил Кунгель.

— Брандт, гестапо. А кто вы?

— Полковник Кунгель. Я отвечаю за погрузку.

— Очень хорошо. — Голос Брандта звучал несладко. — Это значит, что вы ответственны за погрузку и этих ста двадцати восьми ящиков секретного груза. Отправитель и получатель груза — гестапо. Вам все понятно?

Полковник Кунгель промолчал. Случись все это еще вчера, он, не задумываясь, вызвал бы солдат на охрану порта и вышвырнул бы и эти ящики и этого, не предельновшего никаких документов гестаповца. Приказ, которому подчинялся и который выполнял Кунгель, говорил только об эвакуации войск. Но сегодня вечером, находясь в штабе, Кунгель имел очень неприятный разговор со своим непосредственным начальником полковником Штраухом о потоплении кораблей русской авиации.

У вас никаких подозрений за этот счет нет? — настойчиво спрашивал Штраух.

— Нет, я грузу войска — и все.

— Напротив. Тот, кто осведомляет русских, находится на оперативном причале, рядом с вами, полковник. У него слишком точные данные. Берлин в белешестве, и у нас с вами могут быть крупные неприятности...

Вот почему полковник Кунгель сейчас молчал, подавая в себе возмущение этим наглым гестаповцем.

— Просту вас приостановить погрузку, — сказал Кунгель. — Я сейчас свяжусь со штабом.

— Делайте, что хотите, — крутнул головой Брандт, — только не мешайте мне выполнять приказ рейхсминистра.

Был Кунгель раздражен как сторожек, где имелся телефон, Брандт отдал приказ солдатам продолжать погрузку. Час был поздний, и полковник с трудом довозился до квартиры Штрауха. Выслушав донесение Кунгеля о самомольном действии гестаповца, Штраух долго молчал.

— Принимайте решение сами, исходя из обстановки, — наконец сказал он и повесил трубку, явно избегая продолжения разговора.

Кунгель вернулся на причал. Как раз в это время к нему и подошел Дементьев. Брандт был на корабле.

На приветствие Дементьева полковник не ответил. Мимо них к трапу солдаты тащили ящики.

— Что это за погрузка? — спросил Дементьев у Кунгеля.

— Гестапо, — коротко оборвал полковник и отошел в сторону.

Если бы в темноте Дементьев мог рассмотреть знакомые ему надписи на ящиках, то они предупредили бы его, что здесь рядом находится огромная для него опасность —

Брандт. Но Дементьев не видел надписей. Он не спеша поднялся на «Венецию» и начал уже привычный осмотр судна. Выбравшись из главного трюма, он пошел по узкому коридору, вдоль матросских кают.

Коридор был чуть освещен единственной тусклой лампочкой, запертой в скотчатый комок. Вперед посыпался шаг. Кто-то шел навстречу. Необыяснимое чувство мгновенно настрожило Дементьева — опасности! Он прижался к углу. По коридору шел Брандт. Еще десять — пятнадцать шагов, и Брандт увидит Дементьева. Шаги измерялись секундами, в течение которых Дементьеву нужно было принять решение.

Брандт все ближе и ближе. Вот он уже зашел в угол, чтобы перешагнуть через высокое ребро порога, и увидел Дементьева... Но, прежде чем Брандт успел принять решение, Дементьев кинулся к нему, притянул ствол пистолета к его груди и выстрелил.

Выстрел прозвучал глухо и анормо. Брандт вымахнул руками и грузно повалился. Подхватив обмякшее тело гестаповца, Дементьев авалил его на плечо, поднес к двери, которая вела в трюм, и бросил. Потом вернулся в коридор и, убедившись, что никто не видел случившегося, быстро спустился в трюм. Раздвинув лежачие там бочки, он втокнул тело Брандта под доски и приwallил бочками.

Через несколько минут Дементьев сошел на причал и пошел к Кунгелю.

— Кто это в кожаном пальто сошел сейчас с корабля по носовому трапу? — спросил Дементьев.

— Хозяин интересовавших вас ящиков, — ответил Кунгель.

В это время капитан «Венеция» позвал Кунгеля на борт. Дементьев остался один. Он

— Простите, господа офицеры, — Дементьев учтиво измырнул каску, — мне нужен капитан «Аэлита».

звала теперь, что это за ящики, и лихорадочно обдумывала, как поменять их погрузку. — Давайте, переверните ящики и прицельно очередную партию груза, когда перед нами возникла рослая фигура незнамого офицера. Это был Демьяев.

— Где здесь люди, работающие под командой Брандта? — строго спросил Демьяев.

— Мы — ответчики на солдат. — Брандт срочно выехал в штаб. Получено его приказание погрузку прекратить. Ящики снить обратно за причал и сложить во там. Быстро! Как только закончите, сами погрузитесь на этот транспорт.

Последние слова Демьяева мгновенно погасили вспыхнувшее было одоление солдат. Они оставили ящики и с грохотом побежали по траншею.

Вернувшись на причал, Кунгель с удивлением увидел солдат, тащивших ящики с корабля.

— Что здесь происходит? — спросил он у Демьяева.

— Кто может знать? — безразлично ответил Демьяев. — Гестапо есть гестапо. Прибежал какой-то офицер от Брандта, приказал снести все на берег, а солдатам погрузиться на парадок.

«Видно, Штраух все-таки «сработал», — подумал Кунгель.

«Венеция» отчалила в пятую часу утра. Как только ее черной силуэт растаял в преласной мгле, Демьяев покинул порт. А Венеция дождалась отсюда посылку.

Перед радиомаром, Демьяев почувствовал страшную слабость. У него не хватало сил даже упаровать радио. Лоб покрылся холодной испариной.

«Пожужели заболел?» — с ужасом подумал он.

«Растенью китею, он приложил руку к сердцу. Оно билось резкими, замедленными толчками. Но температуры как будто не было. И Демьяев понял: это нервы с запоев имеют порывали на перевозку им, в ту ночь. И тогда все, что случилось, снова пролет перед глазами. Только теперь события развертывались неторопливо, а главное, вперед уже не было неожиданностей. Постепенно Демьяев успокоился, закрыл чемодан, в котором находились радио, и лег спать.

14

В семь часов утра Демьяев встал с постели. В окнах брезжил синий рассвет. Боясь разбудить хозяйку, он осторожно прошел в ванную комнату, поблизил к умывальнику холодной водой. Но когда он вышел из ванной, хозяйка уже ждала его в передней. Произошел еще один тягостный разговор. Демьяев упрямо заверял женщину, что картины не мужа будут найдены.

На этот разговор ушло немало времени. Из дома Демьяев выбрался только в девятом часу утра.

Как и в прошлые дни, улицы близ порта были забиты войсками. Но повсюду ощущался больший порядок. Технику расставили по дворам, на улицах уже не замечалось вращающейся толпы. На воротах, на стенах домов были написаны номера или нарисованы условные обозначения частей.

У входа в порт Демьяев обнаружил нечто новое. В воротах стояли четыре эсэсовца с автоматами на плечах. К сожалению, он заметил их, уже пересекая площадь, когда свернуть в сторону было поздно: это могло вызвать подозрение. Демьяев толкнул чужаков, зашел на площадь, чтобы успеть обдумать возникшую ситуацию. Очевидно, гитлеровское командование решило усилить охрану порта — и все. Смело вперед! У него даже мелькнула горячая мысль: «Эй — я — меня!»

Демьяев хотел пройти между эсэсовцами, как бы не обращая на них внимания. Но один из них выдвинул автомат, и проход оказался закрытым.

— В чем дело? — спросил Демьяев.

— Пропуск!

Демьяев вынул из кармана свою бумагу, но эсэсовец даже не взглянул на нее.

— Нужен новый пропуск.

С сегодняшнего дня введены новые пропуска, — добавил другой солдат. — Проходите вы а тот дом.

Это был уже знакомый Демьяеву дом команданта порта. Он заходил туда, якобы разыскивая какие-то грузы для своего полка. Тогда в коридоре было полно людей, а теперь ни души. И сразу Демьяев понял, что здесь обосновался гестапо.

— Где тут выдают новые пропуска в порт? — обратился Демьяев к проходившему геступолку.

— Комната номер девять, — не посмотрев на него, ответил гестаповец.

Когда Демьяев был уже в трех шагах от этой комнаты, дверь ее распахнулась, а два гестаповца выкатили в коридор пожелтого человека в форменной морской фуражке и китель.

— Выслушайте меня! — кричал тот. — Я сотрудник портовой метеостанции. Мои обязанности.

Какая была обязанность у этого человека, Демьяев уже не расслышал: сорудника метеостанции толкнули в другую комнату.

Заходя в девятую комнату или, пока не поздно, уйти отсюда? Но уйти — это значит, что капитан Довгалево больше не получит сведений и транспорты беспрепятственно поедут в Германию гитлеровские войска, которые ступят там в бой с Советской Россией. Вообще уйти — значит не выполнить боевого задания. Демьяев решительно толкнул дверь в девятую комнату и вошел.

Комната была большая. Посредине ее перерогаживал длинный стол, за которым сидели два гестаповца. По ту сторону стола находилась еще одна дверь. Наверное, раньше в этой комнате производили таможенный досмотр морских пассажиров.

Демьяев закрыл за собой дверь и, как все боевые офицеры гитлеровской армии, не любящие тянуться перед гестаповцами лобных членов, спокойно подошел к столу и без всякого обращения спросил: — Здесь выдают новые пропуска в порт? — Кто вы такой? — быстро спросил гестаповец.

— Капитан Рокетт. Я отвечаю за санитарное состояние кораблей.

Гестаповцы переглянулись.

— Ваши документы, капитан?

Демьяев решил сначала предъявить свое официальное удостоверение. Это был совершенно надежный документ. Гестаповец долго рассматривал удостоверение.

— Здесь указана дивизия, которой уже нет, — вдруг сказал он.

— Совершенно верно, — спокойно согласился Демьяев. — Я один из немногих, которым удалось прорваться.

— А каким образом вы стали заниматься санитарными делами?

— Прибыл сюда, и получил это назначение. — Из чего это видно?

Наступил решающий момент. Демьяев вынул из кармана свою самодельную бумагу и протянул ее гестаповцам. Вещность оказалась ему мигнула, пока гестаповцы поронял, а потом вместе рассматривали документ. Потом один из членов тихо переключился несколькими словами. Один из них положил демьяевскую бумагу в ящик стола и сказал:

— Мы обязаны все проверить. Обязаться вы не можете, капитан. Таково время и положение. Явтесь сюда в шестьдесят восьмью.

Гестаповец зямлялся и добавил: — За пропуском.

Демьяев вышел на площадь. Еще не было двенадцати часов. Вперед шелых четыре часа ожидания. Тот, кто ровно в четыре он войдет в девятую комнату, Демьяев, вероятно, уже твердо, как свое имя. Но раз уж даны ему эти четыре часа, нужно ими воспользоваться и проработать все возможные варианты того, что произойдет в девятой комнате в шестьдесят восьмью.

Демьяев вернулся на квартиру и передал короткую радиogramму полковнику Довгалево:

«Я — 11-7. Возникли осложнения, слушаю теле вечером».

15

За четыре часа человек ровной походкой может пройти десять километров. Вероятно, такое расстояние и вышагал Демьяев по своей комнате. Зажав руки за спину, с омерзением

шим лицом, он ходил из угла в угол, задвигая себе самые сложные, самые каверзные ящики. В штабе все время ждал из ответа.

В половине четвертого он вышел из дому. Без трех минут четыре был уже перед дверью левой комнаты, но решил выйти туда только в назначенное время.

Мимо него прошел один из двух уже знакомых Демьяеву солдат. Демьяев все услышал через дверь, как гестаповец удлинено произнес: «Он пришел...» Будто холодным ветром пахнуло в лицо Демьяеву.

Дверь притворилась.

Капитан Рокетт промат промат зайти.

Демьяев вошел в комнату, посмотрел на часы, улыбнулся.

— Мне приказано явиться в шестьдесят восьмью. Сейчас без одной минуты. — Говорит это, а Демьяев успевает заметить, что в комнате находится три человека. Все они с любопытством разглядывают его.

Третий гестаповец, с погонами полковника, сидевший в кресле по эту сторону стола, молча покзал Демьяеву на стул.

Капитан Рокетт, который сам нам предьявил, вызывает подозрение. Кто вам его выдал?

— Рихард Мельх, — мгновенно ответил Демьяев. — Начальник отдела по организации транспортных средств, как это и указано на бланке.

— Какое отношение названный вами Мельх может иметь к вопросам санитарного состояния транспортов?

— Да, я не могу знать.

— Расскажите историю вашего назначения на этот пост.

— Прошу прощения, господа офицеры, — Демьяев улыбнулся, — но я в эту историю, пожалуй, вмешать не смогу. Я, войсковой офицер, был назначен в штаб одной из больших штабов и, пригнавшись там, не успел разобраться в тонкостях структуры даже своего отдела, где работал.

Полковник опустил очки и вглядел в Демьяева взглядом острых, увеличенных стеклами глаз.

— Когда вы попали в Н.?

Демьяев точно назвал число и продолжал: — Я прибыл сюда вочью и вглядел в коммандирскую кабинку. Там мне дали направление в отделе «Бристоль».

— Мигнуточку! — прервал Демьяева полковник. — На каком участке фронта вам удалось прорваться к своим?

— Лишь фронта я перешел на участке дивизии «Гамбург». Судя по всему, геступолку заместителя начальника штаба дивизии майора Борха.

— Прекрасно. — Полковник встал, подошел к телефону и избрал номер. — Говорит Крамергоф. Мне срочно нужна справка по командному составу дивизии «Гамбург». Прежде всего фамилию заместителя начальника штаба дивизии... Я жду...

Все в комнате молчали. Демьяев обижено улыбался. Он прекрасно знал, что сейчас услышит по телефону Крамергоф. Он услышит измененную фамилию, которую указал Демьяев. Если вся проверка сведется только к этому, гестаповцы — балбасы. Таким-то заранее подготовленным данными хороший разведчик должен располагать в обязательном порядке.

— Да, я слушаю... Так. Слосибо... Крамергоф положил трубку и вернулся к своему креслу. Гестаповец, сидевший за столом, сказал:

«Гестаповец начал с того, что получил направление в гостиницу «Бристоль». Продолжайте...»

— Я оказался там в одном номере с майором Занделем, номер комнаты триста пять. Мы познакомились. Зандель, узнав мою грустую фамилию, предложил мне, чтобы мы вместе и помогу устроиться при штабе. Он сам работал как раз в отделе Мельха. Но сначала я пошел просить назначения на фронт. К сожалению, я этого назначения не получил. В штабе же всем было до меня. Тогда мне пришлось воспользоваться любовью помощника майора Занделя. В отделе Мельха я занимался эвакуацией музеев и библиотек. Работал вместе с Брандтом.

Брандт? — удлинено воскликнул Крамергоф и переключился с гитлеровца на гитлеровца.

тересю! Когда вы последний раз видели Бранда?

— В день, когда я эвакуировал фонды библиотеки. Он принял от меня груз и повез его в порт. Больше я его не видел.

— Разве ваша работа у Мельха на том и закончилась? — спросил Крамергоф, теперь уже не сводя глаз с Дементьева.

— Совершенно правильно. Дальше моя судьба сложилась так. Вечером Мельх вызвал меня, вручил мне тот самый документ, который выдает у нас по подозрению, и сказал, что утром он мне объяснит мои новые обязанности. А когда я утром пришел, уже не было ни Мельха, ни его отдела. Он уехал, кажется, с первым же транспортом. Зачем ему понадобилось утаивать от меня отъезд, мне неизвестно. Он, конечно, поставил меня в глупое положение. Тем не менее свои обязанности я, как мог, исполнял.

— Во время прорыва вашей дивизии вы не попадали в руки к русским? — быстро спросил Крамергоф.

— Если бы это случилось, — Дементьев пожал плечами, — я бы не сидел перед вами.

— Ответьте, пожалуйста, без «если»: были вы в плену хоть один час?

— Ни минуты. Мой батальон попал в окружение в районе торфяных болот. Здесь нас утюжила авиация. Потом я с группой уцелевших солдат выбрался из болота и лесами, что юго-восточнее прежнего расположения моей дивизии, вышел в район позиции дивизии «Гамбург». Ночью с боем мы прорвались к своим. Уцелело нас трое.

— Кто эти уцелевшие? Их имена и где они сейчас? — спросил Крамергоф.

— Иоган Рихтер, капитал, — ответил Дементьев, — он остался в дивизии «Гамбург». Карл Ландхарт, лейтенант, ранен в плечо, положен в госпиталь при штабе дивизии «Гамбург». Третий — я.

Крамергоф рассмеялся.

— Ах, какая точность! Вы же прекрасно знаете, что дивизия «Гамбург» уже эвакуирована отсюда, и потому не может проследить Дементьева.

Дементьев обижено молчал, смотря мимо Крамергофа.

— Слушайте, как вас там, Рюкерт, что ли, скажите прямо: кто вы на самом деле?

Дементьев молчал, и потому не мог ответить.

— Может быть, вы просто госпитальный дезертир? — злобно выкрикнул Крамергоф.

Дементьев резко повернулся и, впиавшись в него бешеным взглядом, заговорил громко, со злобной, чеканя каждое слово:

— Когда мой форшер вручил мне в Париже железный ящик, я сказал ему: «С нами до конца». Фюрер ответил: «Идти надо далеко...» И я шел этим дальним путем, не обходя трудности и не прерывая от войны в штабах. Я всегда уважал людей гестапо, считал их верной охраной моего фюрера. И я не верил проклятым от гестапо, распространившим ложными вестями. А вы, господин Крамергоф, видимо, добываетесь, чтобы я им поверил. Больше я на ваши вопросы не отвечаю. Можете поступать любой, какой хотите.

В комнате стало тихо. Уголки глаз Дементьева следили за гестаповцами и видел, что его гневная тирлада произвела на них впечатленье.

Крамергоф пристав, взял со стола самодельный миллет Дементьева, и держа его за ушко, уже спокойно сказал:

— Согласитесь, что этот документ довольно странный и не может не вызывать у нас подозрения.

— Не знаю, — резко провознес Дементьев. — Я уже объяснил, что и не специализируюсь по штабным документам. На войне я привык выполнять приказ. И эта вымогающая ваше подозрение бумага была для меня приказом, который я самоту выполняю. Если вы хотите отменить приказ, сделайте это и раздуйте свисток, чтобы мне оказался там, где воюют солдаты, а не... Дементьев не договорил, твердо глядя в глаза Крамергофу. Он внутренне торжествовал, ибо видел, что тот сбился с толку и не знает, как дальше вести разговор.

— Вернемся к вопросу о Бранде, — помолчал, заговорил Крамергоф. — Дело в том, что на его имя продолжает поступать очень важные распоряжения из ставки. Сегодня получена радиоделешка за подписью Кальтенбрунера. Из этих документов совершенно ясно что

ухатыл из Н. Брандт не мог. Когда вы его видели последний раз?

— В день эвакуации фондов библиотеки, — ответил Дементьев. — Он принял от меня ящики с грузом и повез их в порт. Больше я его не видел.

— Вы полковник Кунгель, знаете? — быстро спросил один из гестаповцев. Дементьев насторожился:

— Полковник Кунгель, полковник Кунгель, — Дементьев выигрывал секунды для обдумывания этой новой ситуации. — Очень знакомая фамилия. Ах, да, я, конечно! Он был ответственным за погрузку войск на транспорты.

— Совершенно верно, — совершенно подхватил Крамергоф. — Что вы можете сказать о нем?

— Очень немного. Я видел его два или три раза.

— Вы разговаривали с ним?

— Да.

— Не припомните, какие мысли он высказывал, к примеру, о ходе войны?

— Стоял общих разговоров у нас не было. Разве только... По тому, как мгновенно насторожился Крамергоф, Дементьев понял, что он делает правильный ход.

— Вообще у меня сложилось впечатление, что Кунгель в порученном ему деле был совершенно не заинтересован. Когда я получил это назначение, и сам, тут же обстояно, выразил моему начальнику Мельху недоумение: зачем этот санитарный бюрократизм? Но Мельх разъяснил мне, что речь идет о том, чтобы не завезти в Берлин эпидемические бляхи, и я понял, что моя работа очень важна и явился за нее со всей ответственностью. А полковник Кунгель к моей работе отнесся ласково, он утверждал, что солдатам фюрера неважно, в каких условиях их эвакуируют, лишь бы ударить отсюда. Далее... Можна критиковали организацию эвакуации, давали совет, как ее ускорить. Я перелал их советы Кунгелю, но он отказался к ним прислушаться...

— Что это были за советы? — Но, например, грузить вагоны сразу на пять вагонов.

— Так, так, — Крамергоф все записывал. Дементьев уже ясно видел, что его показания очень интересуют гестаповцев, и догадывался, чем это интерес вызван.

Кунгель был арестован еще для того назад, но на всех допросах очень искусно разбавлял ухищрения гестаповцев обвинить его во всех смертных грехах. А Крамергофу, головоломному за расследование обстоятельств, при которых русская разведка могла получить данные о выезде из порта немецких кораблей, нужно было показать рвение и отдать под расстрел кого угодно, хотя бы того же полковника Кунгеля. Час назад он думал предложить это с Дементьевым, но на ходу его мысль отказалась от этой мысли. Дементьев давал ему в руки козыри против изворотливости Кунгеля.

Записав все, что сказал Дементьев, Крамергоф спросил:

— Вы подтвердите все это на очной ставке с... Безусловно.

Крамергоф приказал привести Кунгеля. Ожидая его появления, Дементьев еще раз пригнул все свои разговоры с полковником на оперативном причале.

Кунгеля усадили напротив Дементьева. Полковник насмешливо посмотрел и спросил:

Брандт все ближе и ближе. Вот он уже забере ногу, чтобы перешагнуть через высветленное пространство порога...

— Вы тоже зачислены в пятую колонну рейха?

Дементьев не ответил. Крамергоф, повисая голос, сказал:

— Не разговаривай! Вы будете отвечать на вопросы.

— И прекрасно. Разговаривая с вами у меня нет ни малейшего желания. — Лию Кунгеля сделалась нетронутым и издалека.

— Капитан Рюкерт, повторите, что говорил вам Кунгель по поводу эвакуации наших войск отсюда.

— Он утверждал, что солдатам фюрера совершенно неважно, в каких условиях их отсюда вывезут, важно — ударить.

— Вы говорили это, Кунгель?

— Нет. Санитарный инспектор из гестапо сказал неправду...

Теперь Кунгель смотрел на Дементьева с ненавистью.

— Хорошо. Я примножу наш разговор поточнее... Дементьев сморщил лоб. — Так. Вы разве не говорили мне, что наши солдаты просят нам, если мы вывезем их отсюда не в каютах первого класса?

— Это говорил. Но это же совсем другое.

— Абсолютно ясно, что вы думали! — грубо обормотел его Крамергоф.

— Я передавал вам, — продолжал Дементьев, — что моряки критикуют порядок эвакуации и советуют, как лучше ее провести. Помните, я просил вас довести это до сведения высшего начальства? Вы сделали это?

— Нет, — твердо ответил Кунгель.

— А почему бы вам не прислушаться к советам специалистов и не улучшить организацию эвакуации? — быстро спросил Крамергоф.

— Я выполнял приказ. В армейских условиях рекомендуемая вами самостоятельность недопустима.

— Но вы же не так глупы, чтобы не понимать, что за лучшее проведение эвакуации вас ожидала только благодарность?

(Окончание следует)

Торьба силнейших

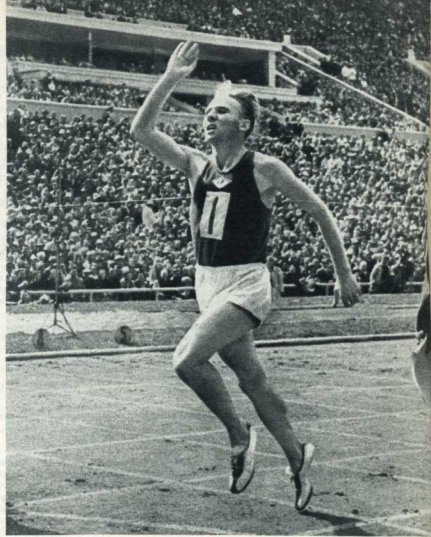
Г. ЕЛЕНСКИЙ,
судья Всесоюзной категории.

Шестидесят лет назад в Афинах состоялись первые современные Олимпийские игры с участием спортсменов тринадцати стран. С тех пор каждые четыре года на горе Олимп в Греции совершается торжествен-

Отдаленность места предстоящих соревнований, а следовательно, и высокая стоимость проезда вызвали резкое сокращение количества участников. Если в 1952 году в Олимпийских играх составились 5 869 спортсменов от семидесяти стран, то в этом году семьдесят четыре страны выставили не более 3 тысяч участников. Олимпийские комитеты большинства государств командировали в Мельбурн лишь тех спортсменов, которые имеют шансы занять призовые места. По той же причине сократился и число туристов. Однако интерес к XVI Олимпийским играм вновь не уменьшился. Наоборот. Чем ближе день их открытия, тем больше внимания мировой общественности сосредоточивается на Мельбурне.

Олимпийские игры давно вышли за пределы чисто спортивных интересов. Об этом свидетельствует ряд высказываний зарубежных деятелей. На конференции государственного спортивного союза Швеции, например, было подчеркнуто, что эти состязания имеют большое политическое значение, а олимпийские медали являются показателями не столько личных достижений спортсменов, сколько показателей общего уровня физического воспитания в каждой стране.

Долгое время первенство в спорте принадлежало американцам, но с выходом на мировую арену спортсменов Советского Союза положение изменилось. Уже в прошлых Олимпийских играх американцы были вытеснены с призовых мест в ряде видов спорта, и по неофициальному общеканальному зачету им пришлось разделить первое место с русскими. Это явилось неприятным сюрпризом для буржуазных спортивных деятелей, особенно в США. Президент Международного олимпийского комитета Э. Брэндейл,

Советский легкоатлет Владимир Куц устанавливает мировой рекорд в беге на 10 тысяч метров.

выступая по радио, вынужден был признать, что «в международном спортивном мире Россия становится все более сильным фактором. Мы, американцы, на оборот, тераем почву, и, в конечном итоге, наше превосходство исчезнет».

Желая не то бы то ни стало отвоевать утраченные позиции, американцы задолго начали готовиться к XVI Олимпийским играм, создав военно-спортивные тренировочные базы для сильнейших спортсменов. По сообщению газеты «Кристен сабен монитор», в американские армейские части в Европе в свое время были направлены 60 тренеров с целью выявления и подготовки способных легкоатлетов». Были также предприняты меры по устранению отставания в ряде видов спорта. Началась усиленная подготовка тяжелоатлетов легких весовых категорий, гребцов на одиночках, двоек и четверках. Большой сдвиг произошел и в развитии футбола. Он стал культивиро-

ваться вместо беизбола в частях военно-воздушных сил, а беизбол, как известно, является национальной игрой американцев.

Член олимпийского комитета США Д. Макговерн писал два года назад в «Нью-Йорк Геральд Трибюн»: «Я должен предупредить, что, судя по нынешнему положению вещей, США, несомненно, потерпит поражение на Олимпийских играх в Австралии». Понимая, что речь идет не только о спортивном, но и о политическом престиже США, подготовкой к Олимпийским играм занялись государственные деятели. Этому вопросу было посвящено специальное совещание в штаб-квартире вооруженных сил, состоявшееся в сентябре 1954 года в Вашингтоне. А через месяц этот же вопрос обсуждался даже в конгрессе США. В Штатах развернулось широкая кампания, проводившаяся с присутним американским бумом под лозунгом: «На Олимпийских играх в Мельбурне США должны одержать победу над Россией». Нужно отметить, что «столькая мобилизация спортивных сил США дала свои результаты. Американцам удалось в короткий срок ликвидировать большое отставание в метании копья и молота и выдвинуться по этим видам в число сильнейших в мире. Они также сумели вернуть первенство в барьерном беге на 400 метров и добиться значительного улучшения результатов легкоатлетов».

Все эти годы усиленно готовились в Мельбурн и в других странах мира, что вызвало небывалый подъем общего уровня спортивных достижений и настоящие фантастический рост мирового

Чемпионка Европы по прыжкам в высоту английская спортсменка Тельма Хопкинс. Она широко готовилась к Олимпийским играм.

ный ритуал зажжения Олимпийского огня. На днях там был зажжен факел, который легкоатлеты пронесли до Афин. Затем его доставили на самолете в австралийский город Кернс, откуда почтенная эстафета проследовала по восточному побережью страны к столице штата Виктория — Мельбурну. В день открытия XVI Олимпийских игр, 22 ноября, от этого факела на стадионе зажгут громадный светящийся. И Олимпийский огонь — символ мира и дружбы между народами — нести двадцать дней будет походить под небом пятого материка.

Сейчас в Мельбурне уже находится большинство участников предстоящих соревнований. Они приехали заблаговременно, чтобы привыкнуть к климату и отдохнуть после долгого, утомительного путешествия. Ведь чтобы добраться до Мельбура, многим пришлось лететь по несколько суток на самолете.

Участники олимпийской команды СССР Аркадий Игнатьев беседует с легкоатлетом Германской Демократической Республики. Справа — известная спортсменка Кристи Штубинг, одна из претенденток на олимпийскую медаль.

рекордов, особенно в легкой атлетике.

После двадцатилетнего штурма был наконец побит мировой рекорд в беге на 100 метров — два спортсмена преоблали эту дистанцию за 10,1 секунду. На 800 метров установлен рекорд в 20 секунд, на 400 метров — 45,2 секунды. Ядро полетело за 19-метровую отметку, копье — дальше 80 метров, диск — почти что на 60 метров. А мировые достижения женщин теперь не под силу даже многим ядровым легкоатлетам-мужчинам. Взять, к примеру, рекорд на 100 метров — 11,3 секунды, или по прыжкам в высоту с разбега — 175 сантиметров, или 6 метров 35 сантиметров в длину. За последние годы объявлена почти вся таблица мировых рекордов по легкой атлетике. Из тридцати видов легкой атлетического спорта, входящих в Олимпийскую программу, рекорды остались неизбитыми только в двух видах у мужчин: по прыжкам в длину — 13 метров 13 сантиметров и по прыжкам в высоту — 1 метр 77 сантиметров. Больше всего мировых рекордов у американцев — 13, у спортсменов СССР — 8, у англичан — 3 и т. д.

Важнейшим является основная Олимпийских игр. В неофициальном подсчете командных результатов она дает столько же очков, сколько, скажем, баскетбол, футбол, водное поло, хоккей, теннис, гимнастика и плавание, вместе взятые. Кто же окажется сильнейшим в этом самом важном виде спорта? Борьба предстоит очень напряженная. Судя по результатам этого года, наибольшая часть олимпийских медалей в легкой атлетике, видимо, достанется американцам.

Соотношение сил в гимнастике, стрельбе и борьбе обещает быть равным. Есть основания полагать, что в этих видах лидерами окажутся советские спортсмены. Некоторые из них могут также рассчитывать на крупный успех в коньках, гребле, спортивной гонимости, боре, фехтовании и тяжелой атлетике. Нашим спортсменам вряд ли удастся попасть в число призеров по велосипедному и парусному спорту, по прыжкам в воду и плаванию; здесь мы сильно отстаем.

А как место займет каждая страна в итоге Олимпийских игр? Вокруг этого вопроса еще в 1952 году разгорелись горячие споры. Свое участие в Олимпийских играх формально считаются личными соревнованиями, и Олимпийский комитет никакого общекомандного зачета не производит. Но уже с позиций любви к спорту и специальности спорта определяют место каждой страны по сумме достижений ее спортсменов во всех видах. Причем эти неофициальные данные нередко публикуются даже в справочниках по Олимпийским играм. Такой подсчет, по существу, уже завоевал себе право гражданства, хотя в нем произвольно применяются две принципиально различные формы зачета: по сумме очков и по сумме медалей.

Согласно хартин Олимпийских игр, имена спортсменов, занявших первые места в каждом виде спорта, занесены на золотую плиту, и каждому вручается диплом. С давних времен эти призовые места стали оцениваться очками: первое место — в 7 очков, второе — в 5, третье — в 4, чет-

вертое — в 3, пятое — в 2 и шестое — в 1 очко. Причем место, занятое одним спортсменом, оценивается так же, как и место, занятое целой командой, например, в футболе или баскетболе. Вряд ли это согласается с тем принципом. При таком подсчете в 1952 году спортсмены СССР и США набрали равную сумму очков. Сейчас соотношение сил явно изменилось в нашу пользу. Если не произойдет никаких чрезвычайных происшествий и судейство будет объективным (не в пример играм 1952 года), то команда Советского Союза должна набрать больше очков, чем команда США.

Однако есть другая, не менее популярная система определения общекомандного первенства — по числу медалей. Реально полученные медали, особенно золотые, более точно, чем условные очки, свидетельствуют, кому принадлежит мировое первенство. И поэтому на первом будет напоминать, что в 1952 году спортсмены США увеличили с 126 медалей, из них 75 золотых; спортсмены СССР завоевали всего 106 медалей и только

Олимпийский чемпион итальянец Контини вновь будет оспаривать это высшее звание.
фото Н. Волкова.

ко 38 золотых; спортсмены Венгрии были награждены 50 золотыми медалями. В этом году существовать будут советские спортсмены, которые, очевидно, завоеуют около 135 медалей, из них 36 золотых. Американские же спортсмены смогут получить не более 120 медалей, из 50-ти из них будет золотых.

В число лидеров, возможно, выйдут и спортсмены Германии, выступавшие в этом году объединенной командой от ГДР и ФГР. На большой успех могут рассчитывать спортсмены Венгрии, Швеции и Японии. Но все же, как метко заметил один швейцарский журналист, XVI Олимпийские игры в конечном итоге сведутся к борьбе «двух спортивных гигантов — СССР и США».

Сейчас миллионы людей, интересующихся исходом предстоящих мировых соревнований, сравнивают достижения претендентов — на олимпийские медали в различных видах спорта, излучают шансы на победу спортсменов своих стран.

Весь мир с нетерпением ожидает начала XVI Олимпийских игр, всем скорее хочется узнать имена новых чемпионов, а главное, кому же будет принадлежать общее мировое первенство в спорте.

«МЫ ЛЮБИМ НАШУ ЗЕМЛЮ»

Так называется сборник стихов молодых китайских поэтов, вышедший в свет в этом году в пекинском издательстве «Чжунгодинься» («Молодежь Китая»). Это первый сборник стихотворений, принадлежащих перу китайских рабочих, крестьян, солдат, служащих, студентов. Сюда включено лучше, что в масштабе страны создано талантливыми молодежью Китая со дня основания Китайской Народной Республики.

Сборник читается как поэтическая биография страны и ее народа за последние шесть лет. Едва над площадью Тяньаньмьнь взвился пятизвездный флаг свободного Китая, как зарождался в Корее американские пушки, угрожа юной Китайской Республике. Тогда лучшие сыны великого народа добровольно ушли на корейский фронт. На линии огня рождался не только новые герои — рождались и новые поэты. В орудином громе крепили поэтические голоса таких молодых поэтов, открывавших сборник, как Вэй Ян, Най Инь, Ху Чжао, Лян Ай-кэ, Ван Кэ-у и других.

Едва ли не каждый из 53 поэтов, созданных этот сборник, имеет право поставить свое имя под волнующими стихами Шао Ян-сяна «Мы любим нашу землю»:

Во мгли,
На исчерпанной нашей земле,
Умирали деганские песни,
Умирали песни любви,
Умирали песни любви,
Умирали песни любви,
И тогда
Горы, реки, поля, города
Выше с нами,
Рабами,
Они сповни и сгорблены,
Стыли геть —
Мы молчали! —
Песню гнева и скорби,
Песню битвы!

(Перевод Л. Червоного.)

Из этих «песен битвы» и состоит сборник «Мы любим нашу землю». Здесь присутствуют и лирические «яз» авторов, и краткие горные бев и гряды: Хуан Цин-гун, повторивший под Матросова, и китайская Зоя — Лю Ху-янь, и девушка Ли Тянь-ин, спасающая цех от пожара, и первая санитарка в Тибете, и юная хозяйка подземного крана; здесь звучит громкое, гордое «мы» всей свободной китайской молодежи. Молодые поэты, помогая друг другу, средствами поэтической строки словно выделывают одну большую скульптуру — образ своего народа-борца, народа-труженика, частью которого являются они сами.

Ощущением незыблемости себя лет тому назад в Китае, признаны многие стихи, вошедшие в сборник. И еще одна большая тема, тема дружбы с Советским Союзом, естественно и закономерно вошла в эту книгу. Ей посвящены отдельные строфы и целые стихи Вэй Ян, Ли Сюэ-ао, Чжао Юн-мя, Шя Фан-ю и других молодых поэтов. Вот проникновенные строки о дружбе из стихотворения Бао Мин-лу:

На севере тинется наша граница,
Здесь утром тина стонет тишина...
Отсюда мешавшая людям сродниться
Колочая проволока снесена...
На севере, где протянулась граница,
В зеленых просторах купаются птицы,
На той стороне молосится пшеница,
У нас голубовый лес золотится,
Тнуется колосы, кончается лето,
Спятелются песни всю ночь...
На севере, где протянулась граница,
Двух стран часовой. Сплонились их лица,
Приветны взгляды, и фурианам надеться
Привычны шведочки красное цвета,
И разве сумеем по-разному биться
Два сердца на северной нашей границе!

Среди авторов этого сборника мало поэтов-профессионалов. Лишь Вэй Ян, Шао Ян-сян, Чжао Юн-мя, Ту Гун и еще два — три поэта имеют свои книжки. Подавляющее же большинство авторов, участвовавших в создании сборника, — это молодежь, работающая у станков, на полях, в геологических партиях и в государственных учреждениях. Ее поэтический талант зреет где, где. Издание сборника молодых поэтов в Китае — значительное событие в литературной жизни молодой республики. Думается, что нашим издательствам, и в частности издательству «Молодая гвардия», следовало бы заинтересоваться этим сборником и познакомиться в русском переводе советских читателей с молодыми поэтическими голосами наших китайских друзей.

В. ТУРИН

Треческий марафон, который привнес в Афины радость, весть о победе над персами при Марафоне, вошел в историю. «Гадюшка» — мы пообидим! — воскликнул мужественный гонец и упал мертвым».

И вот теперь, как много веков назад, в Афинах растет марафон в Афинах: бежал запыленный, уставший бегун. Это был треческий пахуч Лунс — победитель первых за все историю легкого атлетичи соревнований по марафонскому бегу. Он даже оторвался от своих соперников.

Простой крестьянин, всю жизнь проживший в горах, Лунс никогда не тренировался, но знал наизусть каждый шаг и шаг своего тыщины бегу. Он стал отключенным бегуном, разнасыкая в горах заблудившихся овец.

40 километров 200 метров Лунс пробегал за 2 часа 58 минут 50 секунд. Удивительный результат не совсем верно. Дело в том, что судейская комиссия сопровождала бегуном лошадей. Лошади не выдерживали темпа марафонца и отстали. Судьи догнали Лунса, когда он уже заканчивал дистанцию. Им пришлось финишировать впереди победителя.

В последующие годы марафонская дистанция была уточнена. Сейчас соревнования проводятся на расстоянии 42 километра 195 метров.

КРОССВОРД

Составил С. Е. Егоров.

- По горизонтали:**
7. Сельскохозяйственная машина для раздельной уборки хлебов.
 9. Советский исследователь Арктики.
 10. Число семейств народных.
 11. Единица измерения интенсивности.
 13. Художественное произведение.
 14. Великий венгерский композитор.
 18. Коллективный распорядительский орган.
 19. Выемка в земле для анкеров фундамента.
 20. Спорт юрмской травы.
 21. Восстановительная наука.
 24. Сигнальное устройство.
 25. Памятник.
 27. Трава.
 29. Птица из отряда воробьиных.
 30. Металлический снаряд.
 34. Столица союзной республики.
 35. Рубль в Южной Америке.
 38. Русский композитор.
- По вертикали:**
1. Совокупность.
 2. Именной угол.
 3. Горы, по имени второго названа строящаяся мощная ГЭС.
 4. Советский писатель.
 5. Представитель народа, проживающего на Балтийском полуострове.
 6. Именной металл.
 8. Столица Индии.
 12. Государство в Европе.
 15. Вид лебедя у озер.
 16. Земля под парком.
 17. Вершина Большого Нанкаса.
 22. Комическая пьеса.
 23. Картина В. Васнецова.
 26. Цветок.
 28. Однодольное растение.
 31. Французский писатель-реалист XIX века.
 32. Государство в Вост. Индии.
 33. Рубль Дунай.

ПЕРВЫЙ РАЗ ВЗЯЛ ДИСК И ЗАВОВАЛ ЗОЛОТУЮ МЕДАЛЬ

«Невероятно» — смеется читатель. Однако это факт. Дело было так. Участник американской команды Роберт Гаррет пришел посмотреть на чемпионат соревнований в метании диска. Гаррет настолько понравился метанию диска, что решил испытать свои силы. Несмотря на то, что соревнование уже началось, ему было разрешено метнуть диск. Первым же в своем жизни броском Гаррет разрушил надежды других. Результат Гаррета — 29,15 метра. В наши дни с таким результатом, думаю, диск выряд ли бы стал олимпийским чемпионом.

НЕПОБИТЫЙ РЕКОРД

В 1896 году олимпийским чемпионом на самую короткую и самую длинную дистанцию в плавании — 100 и 200 метров — стал Альфред Хайос-Гутман.

В 1922 году он завоевал первый великий на олимпийском конюрье искусство за лучший проект стадиона.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

- По вертикали:**
1. Глина.
 2. Гидрон.
 3. Фанера.
 4. Пирог.
 5. Бор.
 6. Чечевичка.
 12. Коматик.
 13. Полутон.
 18. Симбион.
 19. Обертон.
 21. Диспанс.
 23. Орнстр.
 25. Мелодия.
- По горизонтали:**
5. Шапоров.
 7. Милотин.
 8. Анкоронд.
 11. «Кармен».
 14. Дефорж.
 15. Новиков.
 16. Мисалл.
 17. Кунава.
 20. Бароччи.
 22. Барбаба.
 23. Стривна.
 26. Прокоевич.
 27. «Соловей».
 28. Сопрано.

ПОПРАВКА

В № 20 «Смены» в статье «Москна — город фестивалей» по вине сотрудницы редакции Любовава В. И. допущены грубые искажения. Необходимо статью читать так:

«Москна» — как много в этом углу! Для сердца русского слышнее! Как много в нем отдалось!»

Эти слова, написанные более ста лет назад великим поэтом А. С. Пушкиным, наполняются сегодня новым звучанием... — и далее, как в тексте.

На первой странице обложки: Водола комсомолки Борис Пешкова, своей хорошей работой на строительстве Горьковской ГЭС она заслужила всеобщее уважение коллектива. Обязатель професийной водолазы ему помог знатный мастер подводных работ Тригорий Арсентьев Лыткин. Ученица водолаза достоянием своего учителя. Фото А. Можаева и А. Горючева.

На четвертой странице обложки: Осень. Фотограф В. П. Шевцова.

Редакция: Г. Гуля, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, В. Кулемин, М. Луцкий.

Технический редактор О. Шева.

Подписано к печати 30/Х 1956 г. Тираж 250 000 экз.

Формат бумаги 70х109%. 1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

ИЗ ИСТОРИИ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР

Для любителей спорта 1896 год знаменатель тем, что в этом году проводится XVI Олимпийские игры. Наверное, не каждый знает, что ровно шестидесять лет назад, в 1896 году в Афинах были проведены первые современные Олимпийские игры. 40 лет... Срок не такой уж большой, но спорт за это время шагнул вперед настолько далеко, что многие события первых игр ушли в область предания.

В первых Олимпийских играх, которые проводились по девяти видам спорта, участвовало 285 человек. Для тех времен такое количество спортсменов было очень большим.

Но в характеристике первых Олимпийских игр имелись также шажки, которые и сейчас могут вызвать почтение. Трубы стадиона звенели 70 тысяч зрителей, во все дни соревнований они были заполнены до отказа. Олимпийский же стадион представлял собой реконструированный античный стадион, на котором проводились состязания еще древних греков.

НЕОБЫЧНЫЙ СТАРТ

На старте — участник забега на сто метров. В ожидании сигнала извездый бегун принял удобную для себя позу. Вдруг по трибунам прокатился гул удивления: один из спортсменов опустился на колени и уперся руками в землю. Судьи были озадачены: им никогда не приходилось видеть подобного старта. Шум на трибунах усилился, никто не бегнул, никто не оставался все в этом же положении. «Если он глуп, пусть стартует, как ему хочется», — заявил один из судей. И наконец же было всеобщее удивление, когда первый коснулся финишной ленты — тут над ним сошелся крик толпы и судей. — американец Бурно. Его время равнялось 12 секундам.

Много изменилось с тех пор. Представьте себе, кто-то из спортсменов бегает сейчас 100 метров высшего старта. Бегает это, наверное, скакала бы нечеловеческо быстро, что горворил в 1896 году один из судей — про олимпийского чемпиона Бурно.

Интересно также добавить, что на Спартакиаде народов

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

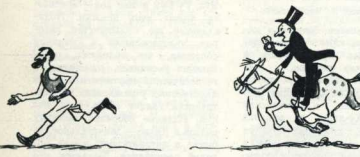
Более полутора тысяч лет прошло с тех пор, когда у подножия Олимпа погас священнейший огонь последних древних Олимпийских игр. В 394 году римский император Феодосий запретил проведение этого всенародного праздника.

Шли годы, время старело, память о светлых праздниках красота и силы. На венецианской карте 1516 года мы уже не найдем Олимпы. Место, куда когда-то стало тысяча людей, отмечено на этой карте названием «Долина Эко».

Но прекрасная идея эллинизма не умерла. По инициативе французского педагога Пьера де Кубертена в конце XIX — начале XX века спортивные игры были возрождены. С тех пор они являются крупнейшими международными соревнованиями. Основатель и первый президент Международного олимпийского комитета Пьер де Кубертен писал: «Мы хотим, чтобы олимпийский огонь возродился при свете человечества: дух свободы, мирного соревнования и физического совершенствования».

АФИНЫ. 1896 ГОД

На Спартакиаде народов СССР только в соревнованиях

ях по легкой атлетике выступило 1 800 человек. Но по числу зрителей не пошла бы даже в финальный забег для женщин.

СССР Бурно со своим результатом не пошла бы даже в финальный забег для женщин.

Второй такой «дубль» еще никто не сделал на олимпийском спорте. В. БОРИКЛЕВИЧ

Главный редактор М. А. Вялчик.

Оформление номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-94-24. Изд. № 1105.

Завка № 2785.

А 13504.

Однородна к печати 30/Х 1956 г.

КАНЦЕЛЯРИЗАЦИЯ

Дятел

РАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Да разве обо всем расскажешь! Видя на заводе такую беззаветную любовь к допотопичности, мы предположили, что здесь и документы оформляют древним способом. Отчеты, например, пишут палочкой на глиняных пластинках, а инструкции — рыбьей костью на бересте.

Но наши догадки не оправдались. Бюрократическое производство оснащено новейшей техникой: пишущие машинки, авторучки, стандартные бланки различных образцов. Против названий многих изобретений и предложений в книгах регистрации БРИЗа стоят каменные-то тиниственные знаки, сделанные цветными карандашами.

— Каждый год,— сказал нам сотрудник бюро,— мы проводим проверку внедрения предложений. Если предложение принято и во внедрено, то мы ставим соответствующий значок — галочку, треугольник, ромбик...

— А в некоторых местах что-то многовато этих галочек-ромбиков.

— Значит, прошло несколько годовых регистраций.

Производство бумаг по вопросам рационализации поставлено образцово, по предложенному слову техники.

Дорогой Дятел!
Сообщаем. Мы обнаружили предметы и приспособления, которыми пользовались наши предки на заре железного века, 2 500 лет назад.
Ты, наверно, думаешь, что твои корреспонденты были в районе курганов, насыпанных прапрадедами кривичей или дреговичей? Нет. Мы сразу укажем точно место открытия: г. Тамбов, машиностроительный завод «Комсомолец».

Расскажем все, как было. Идем на завод. Ничего допотопного пока не видно. В списке выпускаемой продукции нет ни бронзовых топоров, ни кремневых наконечников для стрел. Предприятие снабжает промышленность сложнейшей химическим оборудованием.

— Дела идут полным ходом,— говорят нам в комитете комсомола.— Передаю технику внедряем. Рационализаторы у нас один одного лучше. Взять хотя бы комсомольца Николая Артемова. Не одно ценное предложение внес. Брошюру об этом авторе издали. Посмотрите.

Читаем: «Десяти лет медники лудят трубы, разнгая открытое горно (костер) среди цехов... При этом выдвигают дым и те, кто выполняет эту операцию, и рабочие, которые трудятся рядом... Выгорает много олова... Николай Артемов предложил оригинальную ванну с электрическим подогревом...»

Спешили в меднооплавляющий цех, чтоб поздравить рационализатора. Но что это! Клубы дыма, копоть, от едких паров кислот слезятся глаза... (Фото 1.)

Техника далекой эпохи царя Гороха предстала перед нами во всем своем первоначальном величии.

Ты спросишь: а где же широко разракованная ванна? Ее используют в качестве стеллажа для труб. (Фото 2.)

Обсудив положение, мы решили начать раскопки, не дожидаясь археологической экспедиции. Во время работы произошел удивительный случай. Обычно археологи находят древние предметы, а мы обнаружили остатки... приспособления, сконструированного комсомольцем Василием Мамонтовым: две изъеденные ржавчиной сточки.

Тонко сделано. С формальной стороны коварь моста не подочит. Рационализаторское предложение было принято, приспособление изготовлено, опробовано, одобрено, и вот... (Фото 3.)

Надеемся, что этот снимок займет достойное место среди экспонатов музея пераментков прошлого, в отделе «Головаплетков».

Дорогой Дятел, поминишь, в газетах и журналах печатались статьи о сварке меди! Это новшество было разработано группой рационализаторов завода «Комсомолец». Оно широко применяется на многих предприятиях страны. А вот на своей родине, на заводе «Комсомолец», мягко говоря, популярностью не пользуется.

Неподражаемо забавная история произошла здесь также с мятниковой пилой...

Фото 3.

Идет месячник смотра рационализаторских предложений. Грохочут типографские машины. Бумаги и красок приказано не жалеть. Комитет комсомола мобилизует все силы на успешное проведение расклейки плакатов. Когда же тут ювкамдан молодежи заняться живым делом, проследить за судьбой рационализаторских предложений?

Это в дни месячника! Каково же внимание к рационализаторам и их трудам в обычные рабочие дни!

Твои спецкоры С. КОРНЕЕВ,
А. ТОЛМАЧЕВ

Цена номера
2 руб.

